

КРУГИ НА ВОДЕ



АНДРЕЙ ЦАРЕВ

16+

Андрей Царев
Круги на воде

«Автор»

2020

Царев А.

Круги на воде / А. Царев — «Автор», 2020

Очнувшись в больнице и потеряв память, приходится бороться за свою жизнь. Потому что прямо в палате тебя пытаются убить. Спасая свою жизнь, ты принимаешь реальность и понимаешь, что ты не от этого мира.

Андрей Царев

Круги на воде

Пролог.

– Папа, это мой автомат! – глаза у меня загорелись радостью.

Я маленький мальчик, у меня сегодня день рождения, мне всего шесть лет. Сегодня будет торт, будет лаваш! Я именно всех больше любил лаваш. Когда взрослые жарили шашлык во дворе, как ни странно, я любил не баранину, а именно этот кусок лепёшки.

– Да, сынок, это твой автомат! – отец положил передо мною этот прекрасный подарок.

Холодная сталь так и манила к себе, я протянул руку и погладил ее. Но в руки мне взять оружие не дали.

– Пока рано, – убрал отец подарок и погладил меня по голове, – скоро ты вырастешь, и тогда он будет твоим. А пока, автомат будет храниться тут, – и рука отца показала на железный сейф.

Очень жаль, что мой автомат убрали в этот железный ящик. Но ничего, я подсматриваю, куда отец уберет ключ, и когда никого не будет дома, обязательно открою и просто посмотрю на своё великолепное оружие. Теперь мне никто не страшен, теперь у меня есть свой автомат! .

– Когда ты станешь большим, то будешь великим воином и совершишь много подвигов, но сейчас, прежде всего, тебе нужно научиться безопасно обращаться с оружием. И ни в коем случае не открывать самостоятельно сейф, ты меня понял? – строго спросил отец.

Слезинка набежала на мои глаза, но я тут же смахнул ее рукой. Мужчины не плачут, а я почти мужчина! Сегодня мне исполнилось шесть лет, и у меня уже есть свой автомат! Скоро я стану большим и взрослым, настоящим воином, и мы будем вместе с отцом уходить из дома на работу, и у меня тоже будут эти медали, что и у него. А эти глупые сестры не будут больше смеяться надо мной, будут провожать меня утром и вечером встречать с готовым ужином на столе... Я осмотрелся в комнате. Кровать, стол, ковер, зеленое сукно на стене. В окно виден наш двор, и сад. В саду растут абрикосы, я сам их недавно собирал, хороший урожай вырос...

Но в один момент все это исчезло, провалилось в никуда. Кто я? Куда я попал? Где мой дом? Где моя семья? Где мой автомат?

Глава 1. Пробуждение.

Писк прибора и муть в голове, чужие голоса вдалеке, посторонние странные звуки. Как будто откуда-то издали доносятся, а я слышу их и не понимаю, что говорят. Что-то медленное и не понятное, и не мне это говорят, просто люди разговаривают между собой, а я лежу. Открыть глаза, но они как слиплись, не открываются. Поднял руку и протер гной на веках. Так, что это такое, что-то белое и большое. Потолок, стены, палата! Вот человек в белом халате с медицинской маской, это врач. Если есть врач рядом. Значит, я лежу в больнице, а раз я лежу в больнице, а не в морге, то я живой! Это уже хорошие новости, я живой! Радость накатила волною, и я приподнялся с кровати. Собственно, а что со мной случилось? Только что я спал и видел странный сон из детства, и вот уже я в больничной палате.

– Вы что, лежите, вам нельзя вставать! – женский голос громко и грозно приказал мне, но я отвел протянутую руку и встал.

Точнее, не встал, а приподнялся на кровати и сбросил босые ноги на холодный пол. А потом сделал усилие и пошел. В голове побежали круги, и я услышал журчание воды и шум водопада. Вода падала с высоты и растекалась... Вода, вода, все больше воды, вечное течение воды.

– Куда вы, это же реанимация! – сестра, полная женщина лет сорока, побежала за мною, но я прислонился к стене и встал. Голова закружилась, нужно отдохнуть немного.

– Лежите, сейчас врача позову! – отвела она меня к кровати, и сама убежала, захлопнув стеклянную дверь.

Что это такое? Приборы, люди отражаются за стеклом, и больше никого вокруг. Я один сижу посредине большой комнаты. Ложиться на кровать я не стал, и так належался. Присел и только сейчас обнаружил следы от капельницы на руке. Я под капельницей лежал? Скорее всего. Что же со мной случилось? Я потер виски руками, пытаюсь вспомнить, и ничего не помнил. Самое страшное, я даже не мог вспомнить, как меня зовут и кто я такой. Только этот далекий сон из детства снова и снова крутился, как отрывок из фильма. Дальше суета и темнота, полный мрак...

– Вот тут распишитесь, – ткнул мне место на листе бумаги молодой человек в форме старшего лейтенанта. Участковый Козин, как он представился. Неопрятный мужчина с помятым лицом, лет двадцати семи, может, больше, а может, меньше. От него пахло табаком и луком, убойное сочетание. А еще пахло безразличием и казенной канцелярщиной.

Странно, я сразу же понял, что он старший лейтенант. Три маленькие желтые звезды на погоне. Если обычный участковый берет объяснение, значит, криминала нет, или по документам его не будет, обычный отказник, или отказной материал. Это тоже мне, почему то, сразу пришло на ум. Участковый пояснил, что скорее всего, я либо упал, либо машиной сбило. А доктор говорил, похоже на минно-взрывную травму, симптомы аналогичные, а повреждений нет. Странно все это, мутно и непонятно. На листе, что дали мне на подпись, не много текста написано. Так мол, и так, как зовут не помню, как попал в больницу не помню, ничего не помню. Меня уже сфотографировали, пальцы откатали, постарался приехавший вместе с участковым эксперт-криминалист, пожилой усатый мужик. Участковый заверил, что личность установят, найдут родственников, и все будет хорошо. Отлично, лучше мне и не надо, пусть будет просто «хорошо». Я вывел-«с моих слов записано верно, мною прочитано», – и поставил подпись. Старший лейтенант внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал. И написал я это не в том месте, где он указал, а сразу под его записями, что бы места что-то дописать не осталось. Знаю я этот трюк. Хотя, интересно, откуда? Старлей убрал бумаги в папку, скомкал в руках сигарету, буркнул что-то мне и направился на выход. Я лежал не в реанимации, а в обычной палате. Перевели сразу после пробуждения, и теперь комнату я делил с тремя такими же, как и я, бедолагами. Хотя, по сравнению со мной, они совсем не бедолаги.

Слева лежал Андрей, он водитель – дальнобойщик, в драке получил черепно-мозговую. Двух других я не знал, молодой паренек, вроде студент, и дедушка преклонных лет. На общение меня и не тянуло, я начал снова и снова перебирать вещи, что мне выдали.

Брюки тактические, фирму не знаю, куртка флисовая, куртка софтшелл, почему то я это название запомнил, поясная кобура под пистолет Ярыгина, пустая, без оружия, пластиковая с фиксатором. Футболка черная, с эмблемой турнира по стрельбе. Что за турнир и как я на нем оказался в две тысячи пятнадцатом году, я не помнил. Странно, что участковый не обратил на это внимания. Ведь если посмотреть списки участников турнира, то...

Едем дальше, кепка олива, фирмы пять одиннадцать. Ну это понятно, за окном погода не очень теплая, а точнее, конец осени. Кепка очень кстати будет, когда выйду из больницы. А вот еще ботинки у меня странные. Немного громоздкие, светло-серого цвета, как будто в расцветке А-такс. По крайней мере, очень похоже. На одном явно следы бурого вещества, похожего на кровь. Денег триста пятнадцать рублей и все, больше ничего. Никаких документов, ни полиса медицинского, ни паспорта. Кстати, как меня в больницу взяли без полиса и без паспорта? Хотя, почему это взять не должны были? Я потер виски и снова начал перебирать вещи, старательно ища что-то в карманах куртки. Хоть какую-то зацепку о том, кто же я такой.

Не нашел, только кассовый чек с заправки. Бензин девяносто пятый, сорок литров. Дата стоит пятнадцатого октября две тысячи девятнадцатого года. А сейчас какой год? Судя по календарю с котиком на стене сейчас две тысячи восемнадцатый год. Или календарик старый.

– Андрюх, год сейчас какой? – окликнул я соседа-дальнобойщика.

– Две тысячи восемнадцатый, вон же календарь висит, – буркнул Андрей и отвернулся лицом к стене.

Я скинул пижаму и натянул свои вещи. Футболка черная, эмблема с пистолетами на груди. Брюки с ремнем, как влитые сидят. В карманах деньги и носовой платок. Натянул на ноги ботинки, сидят удобно, только чуть громоздкие. Зашнуровал, взял флиску, потом вторую куртку.

– Вань, ты куда собрался? – скрипя кроватью, повернулся ко мне Андрей.

Он так и звал меня – Иван. Потому что родства не помню. А я не в обиде, не самое худшее имя. Мог бы и Дармидонтом назвать, и Иннокентием. Но Иван как то более нейтрально.

– Да пройдусь пойду, – повернулся я к нему и остановился около зеркала, – жрать что то захотелось, а обед еще не скоро.

Из зеркала на меня посмотрело гладко выбритое худое лицо. Спасибо Андрюхе, выдал мне одноразовую бритву сегодня утром. Круги черные под глазами, стрижка короткая, хотя я уже пару недель в больнице. Значит, была еще короче. Темные волосы, нос перебитый, но общее впечатление не портит. И шрам небольшой на левой брови. Явно я пай мальчиком не был в прошлой жизни. Хотя, почему в прошлой? Живу то я настоящим.

Внезапно накатило. Как будто волнение пошло в пространстве, как круги по воде, когда в нее бросаешь камень. И ветер усилился. Хотя, откуда тут, в больнице, ветер? Шум в коридоре, шелест плаща и топот ног в тяжёлых ботинках. Это идут за мной, сомнений нет. Я сгруппировался, и когда дверь палаты распахнулась, тут же привычным движением увел ствол оружия в сторону, врезал ногой в пах расслабляющий удар вошедшему, выкрутил руку с длинным пистолетом до хруста в суставе, потом еще раз ударил ногой. Точно туда же, в пах, потом схватил выпавший пистолет и бросился бежать по коридору. ПБ, или пистолет бесшумный, отметил я про себя, пряча оружие на пояс.

– Вон он, уходит! – заорали из другого конца коридора, но я не останавливаясь, свернул к выходу, открыл дверь, и прыгая через три ступеньки, полетел вниз по лестнице.

Дыхание на удивление ровное, уже пять этажей пролетел, а даже не запыхался. Мимо приемного покоя так и пробежал, как спринтер на финише, не сбавляя скорости, только увернулся от вошедшей медсестры, с удивлением вытаращившей глаза на меня. «ПБ» так и давил мне на бедро. Вот черт, он же длинный, бежать не удобно. Интересно, на предохранителе или нет? Наверняка нет, и патрон в патроннике. Еще отстрелю себе что-нибудь. На бегу быстро поставил оружие на предохранитель и свернул во дворы. Оторвался? Похоже. Интересно, кто это были? За что меня хотели убить? Я же ничего не успел сделать? Куда мне теперь? В полицию? Но почему эти пришли сразу после визита участкового? Что-то тут не чисто. Подожду я с визитом в полицию. Как нападавший выглядел? Я особо не разглядел. Во всем черном. Помню, в плаще он черном был, или в куртке длинной. И сам черный, с короткими волосами. Не русский? Возможно и так. А тех двух в коридоре совсем не видел.

Теперь главное, не бежать. Когда бежишь по улице, привлекаешь к себе ненужное внимание, а если идёшь быстрым шагом, то всем плевать. В Москве все так ходят, быстро, не глядя в глаза, загруженные своими проблемами. Сейчас сверну вот тут налево и там дворами пройду... Под ногами захлюпала лужа, я свернул за угол девятиэтажного дома и старался не смотреть на идущих мимо людей. Только погладил волосы на голове и вспомнил, что забыл кепку в больнице. Ничего, не велика потеря, переживу. На крайний случай куплю себе новую.

Внезапно поймал себя на мысли, что хорошо знаю этот район. Неужели память ко мне возвращается? Похоже, что так. Я уже довольно далеко отошёл от больницы. На улице холодно,

ветер дует и дождик моросит. Какой сейчас месяц? Точно не знаю, наверное, конец осени. Вон, на том «Рэнж Ровере» уже шипованная резина стоит. Я снова вышел на оживленную улицу и свернул под арку в проулок. Нечего мне отвечивать, лучше дворами пройти. А куда я иду? Не знаю, ноги сами ведут и ведут. И дико есть хочется. Голод как будто гложет изнутри. В кармане триста рублей, а за поясом пистолет. Если продать ПБ, то можно нормально заработать. Но трудно покупателя найти, слишком ствол специфический. Стоп, откуда я это знаю? Напряг память и остановился. Потер руками виски и поморщился. Морозящий дождик, серые пятиэтажки, арка и типичный московский двор. Народу на улице почти нет, и памяти тоже нет. И улицу эту не помню совсем. Снова потер виски руками, поморщился, ничего. Куда идти дальше, а главное, зачем? Тихо побрел во двор через арку, смотря по сторонам.

А вот у этого «Мерса» резина летняя стоит, не переобулся еще. И номера дагестанские, «05». Так, а это что, один мужчина ударил второго по лицу и потащил в машину, еще двое стоят рядом. Прямо около меня, в этот «Мерседес» черного цвета, у которого я стою, тащат. И водитель вышел, в черном костюме, небритый, аварец, наверное. Это я по выражению лица подумал, узкое и острые скулы.

– Че тут ходишь, давай беги отсюда! – грубо толкнул меня мужчина, вышедший из-за руля «Мерседаса».

– Полегче, что на людей кидаешься? Только с гор спустился что ли? – огрызнулся я, и дальше все завертелось стремительно.

По воде тихо разбежались круги, воздух колыхнуло, поток теплого ветра ударил в лицо. Как в замедленной съемке «аварец» размахнулся и ударил меня по голове правым сбоку. Я даже четко увидел золотой браслет на волосатом запястье.

– Интересно, вот так бить рукой в золотом браслете на улице, это признак дурака? – почему то подумал я и даже, по моему, сказал это вслух.

Потом стремительно поднырнул под удар, и во время нырка пистолет ПБ больно врезался мне в ногу. Ничего страшного не случилось, я уже поднимался с правым апперкотом. Кулак плотно сжал, вложился как надо, попал четко в небритый подбородок. Голова дагестанца мотнулась назад, и я тут же вставил в ту же точку левый сбоку. Точно в подбородок, это нокаут.

Круги быстро успокоились, ветер пронесся мимо, и тот, кого я ударил, рухнул вперед прямо в лужу, браслет отлетел в сторону, видимо, сломалось крепление. А голова падающего гулко стукнулась об асфальт.

– Ты че творишь, лее! – заорал на меня второй мужчина, в длинном черном пальто и кепке, лет тридцати, хотя, у уроженцев Дагестана возраст можно было угадать с большой поправкой. Тут и двадцать, и сорок можно дать с одинаковым успехом.

Ситуация меня не волновала, я хотел отвернуться и пройти мимо, но тут увидел, как второй бросил парня в пиджаке в сторону. Того самого, светловолосого, которого тащил к машине, тот упал на пожухлую траву, а сам дагестанец выхватил из-за пояса пистолет ТТ. Не травматический, боевой, это я точно отметил, калибр семь шестьдесят два, как у боевого.

ПБ очень долго вытаскивать из-за пояса. Будем откровенны, его и из кобуры то не сразу извлечешь, но я постарался на славу, снял предохранитель и самовзводом выстрелил. Выстрел пистолета потонул в шуме московской улицы. На груди мужчины в пальто чуть заметно дернулась ткань, он согнулся и выронил пистолет. Хорошенькое дело, в центре Москвы застрелил мужика с пистолетом «ТТ». Интересно, куда я вляпался? Додумать свою мысль я не успел, один из двоих, оставшихся целыми и невредимыми, бросился ко мне с ножом, а второй дернулся поднимать упавший «Тульский Токарев». Семь бед, один ответ. Еще два сухих хлопка и щелчка затвора, сначала выстрел в наиболее опасную цель, а именно, в бегущего с ножом парня.

Уж столько я роликов смотрел и разных разговоров слышал, что де бегущий с ножом успеваешь резать того, кто с пистолетом. В этот раз всё вышло наоборот. Он был ростом чуть

ниже меня, но раза в два здоровее и шире в плечах, в спортивной куртке и шапке с надписью «Россия». Лица я рассмотреть не успел, так как вторым выстрелом попал ему точно в голову. Потом перенес огонь на того, кто уже почти поднял «ТТ». Первый выстрел в силуэт, второй в голову. В лужу головой упал и этот нападавший, я его даже рассмотреть толком не успел, тоже во всем черном и тоже здоровый. Быстро распахнул дверь «Мерседеса» и посмотрел салон, чисто. Протер рукавом куртки дверную ручку, вытер рукоятку ПБ и затвор, потрогал пульс того, кого я первым послал в нокаут. Не удачно он упал, головой об асфальт. Пульс очень слабый. Вставил ПБ ему в руку. Ну и пусть там патроны остались, я не мелочный, теперь бы убраться отсюда.

– Быстро, бежим, – махнул мне рукой светловолосый паренёк, про которого я совсем забыл. Во время перестрелки он лежал на газоне где-то неподалеку. Не долго думая, я припустил вслед за ним, оглядываясь по сторонам в поисках видеокамер.

Видеокамер я не заметил, да их и не было, скорее всего, не зря бандиты это место выбрали для разборок. Вон вдалеке из подъезда выходит мамаша с коляской, на лавке сидит дедуля, спиной к нам, вдалеке едут машины, и никого. По уму бы мне, конечно, обшарить карманы этих «джигитов», но времени нет, сейчас каждая секунда на счету. Я бежал вслед за парнем в пиджаке, и поражаюсь его прыти. Он лихо перепрыгнул через лужу, завернул за угол, я припустил следом, шлепнув ботинком по луже, и грязные брызги полетели во все стороны. Хорошо, что ноги не промокли. Свернул за угол и чуть не врезался в бегущего впереди парня.

Мой новый знакомый стоял и тяжело дышал. Видимо, физическая подготовка у него не на должном уровне. Скорее всего, на адреналине сделал такой рывок метров на четыреста, а вот сейчас запал кончился, сдох он, одним словом.

– Не суетесь, тут полно народу, – тихо сказал я ему почти на ухо, – идем спокойно и прыгаем в автобус.

Рядом с нами как раз была автобусная остановка, и я подтолкнул его в первый попавшийся остановившийся желтый автобус. Заплатив на входе наличкой за обоих, я пресек его попытку достать карту для оплаты проезда. Не стоит ее светить сейчас. Да и сотовый, по уму, ему бы выкинуть нужно. Хотя, сейчас уже поздно. У меня вот ни сотового, ни карты, и денег осталось двести с копейками мелочью.

Проехав с полчаса молча в автобусе, пареньек внезапно отошел от шока и потащил меня на выход. Все дорогу мы молчали, и я украдкой рассматривал своего случайного попутчика. Лег около двадцати девяти – тридцати, может, чуть больше. Одет явно не по сезону, синий пиджак и модный красный галстук. Пиджак запачкан грязью и травой, что вполне объяснимо, повалился он на земле, но всмотреться это не красиво, нужно почиститься. Светлые волосы аккуратно зачесаны назад, красивое лицо, дорогая заколка на галстук, швейцарская «Омега» на руке. Парень явно не из бедных и малоимущих. Но одно обстоятельство почему то не давало мне покоя. Ну не бегают богатые коммерсанты сейчас у нас по улицам и не прячутся в автобусах от преследования. Хотя, в жизни все бывает, но что-то тут не так.

– Пошли, выходим, – потащил меня парень на выход, и я потянулся следом за ним.

Мы протиснулись мимо толстой тетки с сумками, потом потеснили мужичка в кожаной куртке, и пролезли к выходу. Идти следом за ним? А что мне делать?

– Эх, – вздох досады вырвался у меня из груди.

Слишком много событий за такой короткий промежуток времени. Поток народу увлек нас в метро, теперь уже мой случайный попутчик заплатил за нас обоих, и мы понеслись по эскалатору. Минуя поток хмурых лиц вокруг, я плыл по течению в толпе и старался не упустить его из виду. Мы прыгнули в поезд, потом вышли, потом опять сели, и наконец, эскалатор повез нас к выходу из подземки.

– Михаил, – протянул мне парень руку, я молча пожал и задумался, – Ну, что молчишь, как звать то хоть? – подмигнул мне новый знакомый.

– Не знаю, – растерянно ответил я, – в больнице назвали Иваном, потому что родства не помню, – мрачно произнес я и спрыгнул с эскалатора.

Михаил присвистнул и ничего не сказал, пошел на выход. Вот и снова осенняя Москва негостеприимно обдала нас ветром и холодным ледяным дождем.

– Короче, Ваня, я те, конечно, благодарен, но в блудняк ты меня в конкретный втравил. Так что, я те предлагаю перекусить вон в кабаке, и разбежаться, лады? – хлопнул меня по плечу Миша.

– Лады, – механически повторил я. А что, жрать очень хотелось, идти некуда, делать нечего, жить тоже негде.

Как то осознание всего своего положения накатило на меня, и разом сдавило грудь. Безысходность, безнадега, бесперспективность, почему то знакомое чувство. Вон как та бездомная дворняга, что стоит под холодным дождем и ждет чего то. Я снова поплелся вслед за новым знакомым, хоть поем сейчас. Я не уточнял, кто угощает, кабак явно был не из дешевых. Но и Миша этот не похож на обычного коммерсанта, только что при нем я убил несколько человек, а он спокоен как удав. Ну, почти спокоен, некое волнение, судя по внешнему виду, у него присутствует. Тоже не знает, что делать дальше, а еще он дрожит. Но последнее легко объяснимо, он в пиджаке, просто замёрз.

Когда мы переходили дорогу и открывали дверь заведения в старом особняке, Михаил явно от холода передернул плечами. А потом сбавил шаг и начал суетливо отряхивать свой костюм.

Над входной дверью я прочитал название «Хачапури. Грузинская кухня», и красивые закорючки по-грузински. А мне все равно, просто очень есть хочется. В больнице сейчас ужин, наверное, или обед? Сколько сейчас времени? У меня и часов даже нет... Хотя, какое это имеет значение в моем положении? Сегодня на завтрак я съел тарелку манной каши и выпил стакан бурды коричневого цвета с белым хлебом. Чем меня накормят сейчас? Еще немного, и я сам себя переваривать начну. Цепляясь за соломинку, я прошел к гардеробу следом за Михаилом.

Собственно, он и раздеваться не стал. И так по улице в одном пиджаке рассекал. А градусов то около плюс пяти сейчас, не больше. А вот мне пришлось сдать свою куртку в гардероб. Сняв серого цвета софтшелл, я протянул его гардеробщице в красивом наряде, красное платье и какой-то странный головной убор. Видимо, грузинский национальный костюм, хотя сама гардеробщица была светловолосая, и на грузинку совсем не похожая. Флисовую кофту меня снимать не заставили, и то хорошо. Сразу перед гардеробом было большое зеркало, и я остановился посмотреть на себя.

Роста выше среднего, скорее крепкий, чем худощавый, но лицо худое, мешки под глазами, черные короткие волосы и красная кожа. Елки – палки, да я сам на тех дагестанцев похож. Но в отличии от них гладко выбрит. Кто же я в конце концов? Когда мыл руки, обратил внимание на шрамы, что заметил на костяшках пальцев. Да и сами руки явно не интеллигента, кулаки сбиты, ногти выросли, хоть грызи. Плеснул в лицо холодной воды из под крана, и еще раз посмотрел на себя в зеркало. Не красавец, конечно, но и не урод. Нос скорее всего был сломан, чуть приплюснут, и шрам над правой бровью – явный след рассечения.

– Ваня, долго будешь собой любоваться, пошли уже, – окликнул меня в проходе мой новый знакомый, и я нехотя оторвался от зеркала. Не часто я себя в зеркале видел, забываю, как выгляжу.

На входе миловидная девушка, все в том же наряде, что и гардеробщица, улыбнулась мне и проводила за столик, положив на него меню. Причем, даже не спрашивала, куда идти, просто пошла к столику для двоих у окна и все. Видимо, Михаила тут знали. Официантка, уже в обычном белом платье и кроссовках, что мне показалось странным, улыбаясь, тут же возникла перед нами, не успел мой спутник открыть меню.

– Хм, – прокашлялся тот, – простыл, наверное, – и обращаясь к ней, сделал заказ, – суп харчо, жаркое по-грузински, хлеб, салат горский, домашний лимонад, и бутылку «Зеленой марки».

Официантка записала заказ себе в блокнотик, и повернувшись ко мне, спросила : «Вам как обычно?»

– Да, конечно, – стараясь не подать вида, закрыл я меню и сглотнул. Мысли быстро пронеслись в моей голове. То есть, я уже бывал в этом кафе. Она меня знает! Значит? Значит!

– Подождите, Ирина! – окликнул я собиравшуюся уходить на кухню с заказом девушку, – извините, я сильно переутомился, не подскажите, что я обычно заказывал у вас и когда был в последний раз?

– Вы уже два месяца к нам не заходили, а так постоянно бывали, когда два раза, когда три раза в неделю, и брали всегда двойное красное лобио, хашламу и хинкали, – смутившись, ответила девушка и убежала.

– Выходит, Ваня, ты здесь постоянный клиент, – хмыкнул Михаил.

А я молча отвернулся в окно. Машины, дождь, грязь, и спешащие куда-то, равнодушные, пешеходы на улице. Все бегут по своим делам, потому что у них есть дела, а у меня нет никаких дел, поэтому я не спешу. Я просто застрелил троих человек сегодня, и одного здорово приложил по голове. А перед этим меня пытались убить в больнице.

Кстати, красное лобио было превосходным. Я с наслаждением облизал вилку и принялся за суп. Есть хотелось чертовски, а стопка холодной водки только подогрела аппетит. Михаил тоже не отставал и налегал на еду. А сейчас он снова взял бутылку в руки, что бы разлить еще по пятьдесят грамм.

– Ваня, может, скажешь, зачем я вам понадобился? Что вы устроили такое? В центре Москвы завалили четырех человек? – подмигнул мне мой собеседник.

– Кому нам? – уставился я на него непонимающим взглядом, – знать бы еще, кто я такой.

– А что тут сложного? – подмигнул мне Миша, разливая водку по стопкам, – посмотри на себя. Одежда не дешевая, потрепанная но фирменная. У тебя одна куртка под десятку, брюки столько же, и ботинки не меньше. Явно не лох с улицы. Стреляешь ты отменно, и парень боевой. Сюда вот, – Михаил обвел рукой полупустой зал кафе, – часто захаживаешь. А знаешь, что тут рядом?

– Что? – спокойно произнес я, взяв в руки стопку с водкой.

– Вон там Петровка, а вот тут Лубянка, – показал мой новый знакомый указательным пальцем сначала в окно, а потом в сторону туалета, – ты откуда будешь, Иван? – и впился взглядом своих серых глаз в меня.

Взгляд Михаила ничего не выражал, но я уже видел эти глаза. Не именно вот эти его глаза, а подобный взгляд. Скорее всего, Михаил жулик. Мошенник, возможно и кидала. Но другого собеседника у меня сейчас нет, и вряд ли будет.

– Не помню точно, может, и оттуда, а может, и нет, – спокойно ответил я, не отводя взгляда и поддевая вилкой мясо в тарелке, – по крайней мере, лежал я в самой обычной больнице, не ведомственной. Врач сказал, что контузия, участковый, что машина сбила. Когда память вернется, никто не уточнял.

Мой собеседник отвел взгляд, влил в себя стопку водки, и не глядя на меня, пробурчал.

– Машина сбила. Да у тебя ни одна кость не сломана. А одежду тебе в химчистке чистили?

– То, Миша, мне не ведомо, – ответил я и понял, что мой собеседник теряет ко мне интерес и ищет повод, что бы уйти. Только бы еще расплатился за обед, у меня ни копейки. Хотя, двести рублей то есть. Но вряд ли их мне хватит, что бы оплатить наш стол.

Сколько сейчас времени? Я обвел взглядом зал в поисках часов, часов не нашел, зато увидел телевизор прямо у меня за спиной. Новости идут, спортивные. Бой завтра, Конор Мак

Манаман против Булата Магомедова, супербой за пояс чемпиона, прямая трансляция из Лас-Вегаса, начало завтра утром в пять часов утра.

– Бои смотришь, – улыбнулся Михаил, заметив мой интерес к телевизору.

– Да как сказать, – пожал я плечами, – смотрел я этот бой, Булат задушит этого ирландца в четвертом раунде.

– Ты не мог его посмотреть, – покачал головой мой знакомец, – бой только завтра утром будет. Точнее, он в США пройдет, а трансляция в пять утра по московскому времени.

– Тем не менее, я его смотрел, уж это я помню точно, – хмыкнул я, подчищая тарелку, – не совсем же я debil?

Вопрос прозвучал риторически. Да, я не помню ничего о себе, но этот бой я точно смотрел, и уверенно взглянул в глаза Михаилу.

– Ты точно этот бой смотрел? – переспросил Миша, доставая свой смартфон и что-то нажимая в нем.

– Точно, буркнул я, не понимая, к чему он ведет.

А Михаил уткнулся в смартфон и пару минут напряженно там что то высматривал. Наконец, улыбнулся, положил свой гаджет на стол, и посмотрел мне в глаза.

– Ваня, ставки все на Булата, он фаворит. На его победу удушающим приемом в четвертом раунде ставки один к восьми. Тема такая, – сделал паузу парень и что – то еще раз взвесил и просчитал в уме, – я тут снимаю хату рядом, сейчас едем ко мне, утром смотрим бой, потом со мной скатаешься по делам, поможешь кое в чем. Без криминала, – уточнил Миша и показал мне открытые ладони. Как бы жест говорит о правдивости слов, но какая вера мошеннику?

– Так вот, за свою охрану и помощь я плачу тебе двадцать тысяч. Рублей, конечно, не баксов, – хмыкнув, уточнил мой собеседник. – Но сейчас я их ставлю на победу Булата удушающим в четвертом раунде. Выиграет Булат – я тебе завтра вечером отдаю восемьдесят тысяч. Проиграет или в другом раунде бой закончится, по своим, идет? – и протянул мне руку.

– Идет! – пожал я руку, не сразу понимая смысл всей комбинации. Собственно, какая мне разница? Появилась какая – то соломинка, и я, как утопающий, уцепился за нее.

Мы вышли из кафе, Михаил поежился от холодного ветра и свернул в арку. Прошли мы еще немного, пару кварталов, и остановились около пятиэтажной сталинки. Место неплохое, практически центр, рядом с метро. Миша достал ключи, приложил к домофону, и подъездная дверь открылась. Пешком поднялись на второй этаж пахнущего сыростью и плесенью подъезда, и вошли в открытую Михаилом железную дверь. Обычная московская двушка, под сдачу. Никаких излишеств, телевизор, спальня, гостиная, прихожая, совместный санузел. Мне внезапно стало неуютно, когда я снял ботинки и почувствовал резкий запах от своих носков. У меня ни носков запасных, ни трусов, ни бритвы, ни зубной щетки.

– Миш, дай займы, ни копыя сейчас, отдам как... – договорить я не успел. Мой новый товарищ все понял, хмыкнул, и протянул мне несколько купюр.

– Наберешь на домофоне шестьдесят семь. И пивка мне возьми, там магазин сразу за углом, – только и крикнул он вслед, когда я побежал вниз по лестнице, – только дерьмо наше не бери. «Паулайнер» бери, не фильтрованное.

Вы не представляете, какое счастье, помыться в душе, побриться и почистить зубы. А скоро уже можно лечь в свою постель. И пусть мне выделили диван в гостиной, пусть завтра меня тут не будет, но сегодня то жизнь наладилась! Еще несколько часов назад я был бездомный человек, без определенного места жительства. Потом, неожиданно для самого себя, стал подозреваемый. А вот сейчас я услышал по телевизору о бандитской разборке, в которой один бандит застрелил своих друзей и сам ударился головой. Меня никто не ищет! В дверь не вломится группа захвата и не положит нас с Михаилом мордой в пол! Теперь осталось разобраться, почему меня хотели убить в больнице, и узнать, кто же я, в конце концов. Но это все впереди. А сейчас – спать. И только голова коснулась подушки, я провалился в крепкий сон.

Глава 2. Побег.

– Макс, просыпайся! Макс, просыпайся! – услышал я голос сестры, – там русские пришли, они заберут твой автомат! Макс, просыпайся!

Я открыл глаза и вскочил, прошлепав босыми ногами по ковру. Все та же моя комната с кроватью и детским столиком, ковер теплый на холодном каменном полу. А зал сразу после длинного коридора, и в нём отец сидел за столом с такими же бородатыми мужиками в военной форме, один в горке, другой в берёзке с тельняшкой, и отец в «натовке». На столе плов, балык, бутылка коньяка. Люди смеются, и тут я вхожу и громко так на всю комнату.

– Русские, не забирайте мой автомат!

Сначала я не понял ничего, повисла тишина в комнате, а я повторял как заведенный.

– Русские, не забирайте мой автомат!

Постепенно комната как бы раздалась в размерах, отовсюду слышался громкий смех. Смеялись незнакомые бородатые люди, смеялся отец, смеялась мать, с кувшином стоявшая у двери на кухню, смеялись сестры. А у меня по щеке катились слезы и я снова и снова повторял.

– Русские, не забирайте мой автомат!

Это мой дом, я тут живу. Большой двухэтажный, каменный. Ворота, забор из камня, зеленая крыша. Это мой отец за большим деревянным столом, накрытым белой скатертью. Это мать в черном платке стоит, высокая и красивая, это мои сестры, а это друзья отца. Они русские, он вместе с ними воюет. А мне восемь лет, я уже мужчина, и автомат у меня никто не посмеет забрать!

– Иван, вставай, ты что, белены объелся? Какой автомат? Кто у тебя его забирает? – это меня Миша тормозит, мы с ним вчера познакомились. Миша мелкий мошенник, но сейчас он мой единственный друг, если можно так выразиться.

Я открыл глаза, и ничего не увидел, ни отца, ни сестер, ни дома. Я лежу на диване, и рядом со мной худой парень в модных трусах от «Гуччи».

– Ваня, бой начинается, пошли смотреть! – прошептал Михаил, я лишь буркнул в ответ и повернулся на другой бок. Что там смотреть то, смотрел я уже все.

Снова и снова я пытался закрыть глаза и досмотреть этот сон, но ничего не получалось. Где то рядом раздавались слова комментаторов, пыхтение и короткие реплики Михаила, и я потихоньку, потягиваясь, решил встать. Сегодня у нас какой день недели? Собственно, какая мне разница? На работу мне не надо. Хотя, я что – то обещал Михаилу. Точнее, я бы сказал, что обещал то он мне...

– Есть, Иван, ура! – заорал Миша, – он задушил его в четвертом! Ура! Ставка выиграла! Ура! Ты получил кучу бабок!... Мы получили!

– Меня зовут не Иван, меня зовут Макс, – серьезно ответил я, садясь на диван.

– Ух ты, вспомнил все? – прищурился мой новый друг.

– Пока только имя. У меня был отец, мать, и две сестры. Мы жили в большом каменном доме, и мой отец носил бороду и был военным, – отвернувшись в сторону, произнес я.

– Ну это здорово, что память возвращается. Скоро вспомнишь все! – радостно поднял большой палец вверх Миша, – сейчас по делам, а потом подберем бабки!

Собственно, работа у Михаила оказалась не такая уж и тяжелая. Мы на такси прокатились по нескольким адресам, Михаил разговаривал, я стоял и скучал в стороне. Потом самое интересное. Мы катались в разные концы Москвы, и я снимал с банкомата деньги. Снимал по пятьдесят тысяч, всего я насчитал около двух миллионов. Вот такая сумма наличкой была сейчас у Миши. Неплохо, однако. После вечером, перекусив в забегаловке на Арбате, Михаил отсчитал мне восемьдесят тысяч.

– Макс, твоя доля! – протянул он мне купюры.

А я скомкал их и убрал в карман. Все более менее понятно, какое-то мошенничество с кредитными картами, вот Миша и послал меня светится под камерами в банкоматах. Ничего веселого для меня нет. С другой стороны, какая мне разница? Зато теперь есть деньги в карманах.

– Слушай, Макс, а ты в футболе шарить? Мы могли бы нормальные бабки с твоим талантом поднять? – Миша доел свой бургер и сыто рыгнул. Мда, как то не вяжется такое поведение с его респектабельным внешним видом.

– Нет, – покачал я головой.

– Ну подумай, вот послезавтра ЦСКА с Ювентусом в Лиге чемпионов играет, может, ты тоже смотрел? – Михаил подмигнул мне. Сегодня он не рассекал в одной пиджачке, а надел модное синее драповое пальто.

– Нет, – покачал я снова головой.

– Ну, как знаешь. Если что вспомнишь, схема такая же, вот мой телефон, – протянул мне Миша кусочек бумаги, – но лучше не звони, а на «Вайбер» пиши, – подмигнул мне Миша, – и да, сегодня переночуем на хате, завтра разбегаемся.

Я молча сунул листок с номером в карман куртки. Вряд ли я еще когда-нибудь позвоню этому Михаилу, слишком уж много проблем будет у нас обоих тогда. Но новость про сегодняшнюю ночевку меня порадовала. Еще одну ночь у меня будет крыша над головой. Впрочем, крыша будет и завтра, в кармане шуршат полученные от Михаила купюры. Только, что будет послезавтра? А через неделю? И все-таки, кто я?

Ночь не дала мне ответа на этот вопрос. Я упал на кровать, провалился во тьму и не видел никаких снов, абсолютно никаких. Так иногда бывает, снов нет, зато выспался хорошо. Утром мы расстались с Мишей прямо у станции метро. Пожали руки, и разбежались. Он нырнул в двери подземки, сжимая в руках небольшую спортивную сумку, а я остался стоять столбом, не зная, куда мне идти. Дождь закончился, и даже сквозь хмурое небо проглянуло солнце. Люди не спешили просыпаться, ведь сегодня, как я понял, воскресенье. Сколько же сейчас времени? Часов у меня по-прежнему не было, и эту проблему нужно было решить. Когда у тебя появляется цель, становится легче на душе. Ноги потопали по асфальту, я улыбнулся проходящей мимо девушке в наушниках, что-то говорящей в микрофон, и уверенно зашагал вперед. Где то я это видел, эти здания, вход в метро и... ага, вот, большой универсам впереди.

Пришлось подождать минут десять до открытия. Очень хотелось кофе, но я все же решил сначала купить себе часы, а потом уже посидеть спокойно в кафе. Так же мне и телефон бы сотовый не помешал, вот только, кому мне звонить? Да и паспорта нет, сим карту не купить. Хотя, все возможно, когда звенит в кармане. У меня в кармане не звенело, у меня шуршало. Наконец, двери торгового центра открылись, и строгие охранники в черных пиджаках убрали красную ленту, перегораживающую вход. Я уверенно пошел вперед, народу никого, только пара человек спешат к стоящим в углу банкоматам. Охранник лениво зеваает, ему до меня нет дела. Часовой магазин я нашел на втором этаже. Продавщица, тетка лет сорока, улыбаясь фальшивой улыбкой, с интересом посмотрела на меня. Только открылась, и уже первый покупатель. А я не задумываясь подошел к витрине и ткнул в нужную мне модель. «G shok», дешево и сердито, с солнечными батареями, всего восемь девятьсот.

– У вас карта или наличные? – радостно забегала продавщица, не часто так бывает, только открылся магазин, и уже пошли продажи.

– Наличные, – буркнул я, протянул две пятитысячные купюры и настроил часы на нужное время по большим часам, висящим в торговом зале.

Настроение у меня почему то сразу испортилось. Я потерял свою цель на сегодня, прошел чуть вперед, метров сто, и увидел кофейню. Ну что же, выпить кофе – это тоже цель, когда никакой другой цели нет. Дал пару сотенных купюр и взял чашку с напитком. Не спеша допив, поставил на сто и пошёл куда глаза глядят. Еще немного погуляв по торговому центру, я вышел

на улицу. Кофе было откровенное дерьмо, и во рту остался неприятный привкус. Я так и шел, щурясь от солнечных лучей, и представлял, как я еду вперед на машине навстречу восходу солнца. Но на машину мне, скорее всего, не хватит, а вот жилье подходящее и телефон наконец стоит найти. Новый мне покупать не нужно, лучше взять два подержанных, мало ли что. А вот как раз впереди и ломбард, работает двадцать четыре часа. Вышел я из ломбарда уже с двумя смартфонами и со встроенными в каждом сим картами. Связь есть, правда, звонить некому, Миша не в счет, нет желания с ним встречаться. Осталось найти ночлег на сегодня, и неплохо бы раздобыть хоть какие то документы, а то вдруг полиция остановит?

Дорога вела вперед, на проспект. Справа и слева высокие дома, и повсюду вывески магазинов. Троллейбус быстро проехал мимо и остановился на остановке. Несколько человек выскочили из него и быстро прошли мимо меня. У них была цель, а у меня сейчас цели не было. Не останавливаясь, я пошел дальше, и только внезапно нахлынула такая тоска, что хоть стой, хоть падай. Я остановился на месте, и голова закружилась.

– Гражданин, вам плохо? – услышал я вежливый голос и обернулся.

Рядом стояли два сотрудника ППС. Одеты они были уже в бушлаты и шапки – ушанки. С виду обычные худощавые паренки лет двадцать с небольшим.

– Да нет, спасибо, все нормально, – постарался я изобразить подобие улыбки на лице, но, видимо, вышло не очень.

– А документы у вас имеются? – ожидаемо спросил тот, что был ростом пониже, примерно мне до плеча.

– Зачем мне документы, если я из дома по делам вышел? – развел я руками и понял, что переигрываю, не естественно себя держу, волнуюсь.

Постовые это сразу почувствовали, и напряглись. Переглянулись между собой, и высокий едва заметно кивнул головой.

В принципе, я мог легко убежать от них. Развернутся и резко стартануть, потом свернуть за угол дома и... И скорее всего, убежал бы, только куда мне сейчас бежать и зачем?

– Пройдемте с нами, для выяснения личности. Вы на ориентировку похожи, – проговорил скороговоркой тот, что ростом пониже, не глядя мне в глаза, и положил руку на кобуру.

Кобура стандартная, у нас ее называли «смерть мента». У кого у нас, я так и не вспомнил. Может, я сам был ментом? Вполне себе может быть и так, но вот только не патрульным, это точно. Я спокойно пошел за постовым. Впереди не спеша шел высокий, сзади маленький, ну а я посередине. Граждане поглядывали на меня с укоризной, но ничего не говорили. Вот толстая тетка с сумкой перекрестилась, вон мама с ребенком, заметив, как меня ведут полицейские, отошла в сторону. Наконец, мы завернули за угол дома и я у видел «бобик». То есть, полицейский «уазик» с мигалкой и синей полосой на борту. Не тот старый «уазик», что вы сейчас представили, а большой белый «УАЗ Патриот». Только слово «Патриот» было написано по английски. Вот такой у нас патриотизм.

– Семен, посмотри, там по ориентировке товарищ похож, ну по этому «потеряшке» из больницы, – крикнул шедший впереди сержант, и водитель «Уазика» запросил кого-то по рации. Через шипение и бульканье я услышал позывной «Лозань двадцать один» и что-то про вчерашнюю ориентировку. Причем, голос был с акцентом. Не с кавказским, гортанным, а с каким – то старорусским. Парень, говоривший по рации, явно приехал покорять Москву из далекой глубинки.

Маленький полицейский так и стоял сзади меня и держал руку на кобуре.

– Да ты успокойся, он же не преступник, потеряшка обычная! – громко сказал ему высокий сержант и обратился ко мне, – товарищ, из карманов все на капот выложите, будьте добры?

– На каком основании? – повернулся я к нему, – Я что, задержан?

– Нет, вы не задержаны, у вас нет документов и вы похожи на ориентировку, – терпеливо начал мне объяснять старший экипажа.

– Вы старший? Представьтесь, пожалуйста. Хотите меня досмотреть, вызывайте понятых и составляйте протокол, у меня деньги при себе, в магазин вышел, – вступил я в перепалку, – опасаюсь, что вы можете их украсть.

– Хм, – замялся тот, хорошо, будут вам понятые. – Василий, обратился он к невысокому, – найди двух понятых.

Тот, с погонями рядового полицейского, начал вертеть головой. Двор, машины, две девятиэтажки, и вот мимо нас парочка идет, парень лет восемнадцать и девчонка, лет шестнадцати-семнадцати в яркой красной куртке. Хотя, возраст девушки так сразу не определишь, молодая и красивая, беззаботная.

– Молодые люди, – обратился полицейский к проходящим парню и девушки, – побудьте буквально две минуты понятыми, простая формальность!

Парочка помялась немного, и подошла к «бобику». Сержант только хотел что то сказать, как я его опередил.

– Во – первых, при досмотре понятые должны быть одного пола с досматриваемым. Во – вторых, им точно есть восемнадцать лет? Вы нарушаете закон, товарищ полицейский.

Сержант так и застыл с открытым ртом, а водитель, вышедший из уазика и наблюдавший всю эту сцену, сплюнул.

– Да брось ты, Саня, хрен с ним, с этим умником. Вон сейчас с Петровки за ним приедут заберут, нам то что за дело? – коротко бросил он старшему патруля, не глядя на меня, – а то слишком шибко грамотный гражданин попался...

Действительно, что я теряю? Был никому не нужен до этого момента, сейчас за мной приедут с Петровки, тридцать восемь. Ну хотели меня убить в больнице, и это явно были не полицейские. Может, мне сейчас, наконец, пояснят, кто я такой? А что до того случая позавчерашнего, со стрельбой, так там, вроде, все чисто, и ко мне претензий быть не может. Дагестанцы сами между собой повздорили и устроили перестрелку, так по телевизору сказали. Я расслабился и сунул руки в карманы брюк. Стоявший сзади невысокий полицейский тоже явно потерял ко мне интерес, достал из кармана пачку сигарет, щелчком выбил одну, сунул в рот и поднес зажигалку. Несостоявшиеся понятые пошли дальше по своим делам. Сержант махнул рукой и уставился в экран сотового телефона.

– Вон, приехали, – прокомментировал водитель полицейской машины, и я повернул голову в сторону, указанную им.

На углу девятиэтажки, сразу за магазином, свернула и остановилась «Тойота Камри» белого цвета с номерами «002». До нас было примерно метров пятьдесят, и я внимательно рассмотрел сидящего впереди человека. На вид лет тридцать, худощавый, черные короткие волосы, черный плащ, оспины на лице. Блин, да ведь это он пытался убить меня в больнице! Вот тебе и полиция!

Волна горячего воздуха обдала все вокруг. Мир внезапно стал черно-белым. Слова полицейского, стоящего рядом со мной, растянулись как в замедленном воспроизведении.

– С е е е е й ч а а а с э э э т о о о г о о о с д а а а а д и и и м

Я пытался рвануть в сторону, но руки и ноги как будто налились свинцом. Волна. Еще волна, я сделал медленный шаг, напрягся, и сбросил эти непонятные оковы. Не просто сбросил, а резко ускорился и рванул в сторону от «Тойоты» и полицейских, приехавших на ней. В голове щелкнул переключатель, как будто некто переключил скорость в моей коробке скоростей и нажал педаль газа. Впереди была детская площадка и забор из сетки рабитца. Забор я легко перемахнул и полетел прямо на территорию детского учреждения, а потом, пробежав мимо беседок и веранд, полетел в открытые ворота. Когда я пробежал мимо железной двери, сзади грохнул выстрел. Рядом с головой прошла волна теплого воздуха, и я не произвольно обернулся, замедлив бег. На ходу в меня стрелял тот самый парень в черном плаще, причем стрелял из пистолета «Макарова». Дальше открытая местность, меня достанут, если я побегу

по дороге, а до спасительного бетонного забора метров сто. Не успею, расстреляют в спину. После второго выстрела я упал на газон. Все, теперь только ждать и притвориться мертвым. Хотя, зачем притворяться, я и так как будто умер.

Сердце бешено колотилось, изо рта шел теплый пар, и мне стоило огромных усилий задержать на время дыхание, что бы не выдать себя раньше времени. Интересно, что я такое совершил, что в меня стреляют прямо на территории детского сада? Это же грубейшее нарушение закона «О полиции»? Впрочем, сейчас я сам все узнаю. Через секунду ко мне подбежал этот стрелок, и, приблизившись, прицелился из пистолета в голову.

Как же так? Я же не преступник? И даже если преступник, это не повод вот так убивать меня? Снова волна теплого воздуха окатила меня, и переключив тумблер в голове, я сместился влево. Пуля из «ПМ» высекла искры из асфальта, и второго шанса я своему преследователю не дал. Правой ногой, что было силы, выбил пистолет в сторону, вскочил и ударил правой рукой в пах, а потом левой в голову. Боковой удар с левой руки пришелся точно в подбородок, и стрелявший, выронив оружие, завалился на асфальт. Мельком глянул на упавшего – в нокауте, но живой. Поднял глаза, и сразу же перекатился влево, поднимая с земли выпавший пистолет. И очень вовремя. Выпущенная в меня пуля прошла рядом с тем местом, где я только что был.

Метрах в двадцати от меня стоял второй мой преследователь и целился в меня. Я снова перекатился влево и выстрелил два раза в грудь этому парню. Я попал, сомнений быть не может. Он покачнулся и упал на колени. Ну что теперь делать? На какую-то секунду я замер и стал крутить головой вокруг. Прямо передо мною детская площадка и беседка, около которой стоял на коленях якобы сотрудник полиции, стрелявший в меня. Сразу за моей спиной ворота и дорога, а дальше бетонный забор и промка. Туда бежать? Больше некуда. Вскочил с асфальта и побежал, глянув мельком на лежащего в нокауте первого преследователя. Признаков жизни не подает, но это ничего не значит. Скоро очнется, скорее всего. Второй, наверное, на долго выведен из строя, если не навсегда. Набирая скорость, я побежал к забору, но тут снова волна горячего воздуха накатила на меня и чуть не отбросила в сторону. Обернувшись, я увидел, что тот, в кого я только что всадил две пули, бежит за мной с пистолетом в руке. Резко остановившись, я прицелился и вlepил бегущему пулю в голову. Сомнений нет, попал, я четко видел красное пятно на лбу у преследователя, как дернулась его голова и он по инерции сделал шаг вперед и рухнул на землю. Теперь точно готов, до забора осталось немного. Наверняка сейчас к ним подмога подойдет, мне нужно бежать дальше. Теперь уже моя вина не нуждается в подтверждении. Я убил полицейского. Пистолет поставил на предохранитель и сунул за пояс брюк. Почему то вспомнил сейчас, что зря не взял свою кобуру из больницы. Хотя, она все равно под другой пистолет. Последние метров семьдесят я преодолел легко, но когда начал забираться на забор, рядом ударила пуля. Что за чертовщина? Тот, кому я только что вышиб мозги своим метким выстрелом, снова ожил и стреляет по мне. Между нами метров пятьдесят, еще несколько пуль ударили в забор в метре от меня, и патроны кончились в магазине у стрелявшего. Громко выругавшись, тот не умело начал менять магазин. Стрелять на пятьдесят метров с «Макарова» не самый умный поступок. Причем, стрелявший явно не снайпер. Да что снайпер, он оружием владеет на уровне начальной школы.

Дважды мне уговаривать себя не пришлось. Перемахнул через забор, помчался по кустам и грязной дороге, потом еще несколько метров, перепрыгнул через кирпичную кладку и вот он, новый забор. Промка закончилась, я снова с разбегу перемахнул через ограждение, благо близко к нему примыкала деревянная лавочка, и услышал собачий лай. Видимо, территория охранялась собаками. Но это мне и на руку, мои враги как раз на собак и попадут. Вон стая шавок несется, а я уже почти перелез за территорию. Гулко приземлившись с другой стороны забора на асфальт, я увидел микроавтобус белого цвета на остановке. Рядом жилой массив, парк, и почти никого. И еще два автобуса едут в противоположную сторону. Конечно, спастись от преследования на автобусе так себе идея. Номер запомнят, передадут по рации, остановят

на ближайшем маршруте... Но выхода нет. Бегать мне надоело до чёртиков. Да и в Москве куча различных автобусов, поди разберись, в какой я сел. Только бы успеть добежать до него, пока не тронулся с места, и я спасен. Последние двадцать метров уже бежал на пределе, все-таки, давно спортом не занимался, хотя, откуда я знаю, давно или нет? Хорошо, что водитель в последний момент заметил меня и не закрывал переднюю дверь, ждал пассажира. Уф, успел. Запыхавшись, я прыгнул на подножку автобуса, двери за мгновенье сразу же закрылись, и я обратился к водителю.

– Шеф, сколько проезд, – отдышавшись, протянул я тысячную купюру шофёру, на вид узбеку или таджику, я их плохо различаю.

– До куда эдешь? – не глядя на меня, переключил он скорость, и машина плавно разогнавшись, понеслась по дороге.

– До конца, – сглотнув, ответил я и посмотрел на табличку на лобовом стекле. Не понятно ничего, откуда и куда идёт автобус, но да мне все равно.

– Тогда тысяча! – жадно схватил водитель протянутую купюру, убрал ее во внутренний карман куртки и потерял ко мне интерес.

Автобус резко поворачивал и ускорялся, уходя прочь от того места, где на меня напали неизвестные, а я расселся на переднем сиденье и стал смотреть в окно. Место рядом со мной пустовало, и я левой рукой поправил ствол, который машинально на бегу сунул за пояс, и проверил, поставил ли его на предохранитель. Мы миновали узкую двухполоску и выехали на проспект. Сегодня выходной день, и машин на дорогах пока еще не много. Вот к вечеру – тут да, не проедешь, пробки будут мама не горюй, люди гулять поспешат.

Несколько колебаний отголоском донеслись до меня, но я собрал волю в кулак и пропустил их мимо себя. Как будто ты спишь, а кто-то трясет тебя за плечо. Но ты делаешь вид, что спишь, тебя зовут, но ты не открываешь глаза. Похоже, что мне это удалось, колебаний я больше не чувствовал. Но из носа почему то пошла кровь, и я рукой вытер лицо. Теперь еще и руку перепачкал!

– Черт! – негромко произнес я и тихонько вытер руку о сиденье автобуса.

Внимания на меня никто не обратил. Еще несколько раз мы остановились на остановках, и салон автобуса заполнился до отказа. Рядом со мной села жирная тетка с большой сумкой, в розовой куртке и странном платке, явно не москвичка. Мимо пронеслись дома и вывески, шоссе Энтузиастов осталось позади. Мы на предельной разрешённой скорости идем в сторону МКАДа, на выезд из города, и это хорошо. Патрульных машин нам не попадалось на пути, никто не объявил общегородскую тревогу, не перекрывал движение, не искал меня, короче. Оставалось откинуться на сиденье, закрыть глаза и еще раз все обдумать.

Итак, меня ищут, но не объявили общегородской план «Вулкан», это план по задержанию преступников, оказывающих вооружённое сопротивление. Иначе на каждом бы шагу патрули в броне и касках стояли. А ведь по идее, этот план и должны были объявить. Может, стрелявшие в меня не полицейские? Или полицейские, которые действуют на свой страх и риск? Вот это уже больше походило на правду. Я выжил в какой-то передрыге, об этом узнали и хотят меня добить. Не задержать, не посадить в тюрьму, нет, меня именно что хотят прикончить. Полиция так не поступает. Выходит, я что-то знаю, и пока я это не вспомнил, меня хотят ликвидировать. Как только я вспомню что то важное, я смогу каким-то образом помешать этим людям. Звучит вполне логично.

Теперь главный момент. Почему я стреляю в голову, а человек не умирает? Ладно в грудак, там броня может быть, но я же четко в лоб попал, ошибки быть не может. Выходит, эти люди, мало того, что хотят меня убить, так еще обладают какими-то сверхспособностями. Их нельзя убить выстрелом из огнестрельного оружия, можно только замедлить на некоторое время. Более того, я и сам обладаю некими способностями, я уже это понял. Все эти волны накатывают как раз в тот самый момент, когда мне нужно совершать быстрые и грамотные

действия. Я заметно ускоряюсь при этом и легко могу справиться с обычным человеком. Да и с необычным я справляюсь, ибо я спортсмен, а они – нет. Видимо, мои способности и являются в какой-то мере причиной того, что некие люди пытаются убить меня. Похоже, я здорово им помешал или могу помешать в будущем. А значит, мне нужно затаиться и вспоминать. Потихоньку, по немного, но я должен все вспомнить. И тогда я буду действовать. А сейчас – уехать подальше и залечь на дно. Деньги есть на первое время, и я пощупал карман куртки. Деньги дают очень многое, но не все. Они помогают тебе выживать, но восстановить память они не помогут, и это огорчало.

На следующей остановке я выскочил из салона и купил два чебурека в придорожном кафе. Мы уже далеко отъехали от Москвы, и я немного успокоился. Чебуреки были вполне съедобны, как и чай в пластиковом стаканчике вполне себе вкусным, с сахаром. Доев все и вытерев пальцы салфеткой, я успел вскочить в автобус с другим номером. Первый был маленький, типа «газельки». А этот – большой «МАН». Нельзя до конца ехать на одном автобусе – так легко вычислят. Немного проеду на этом. И тоже выйду.

– Шеф, держи, – протянул я тысячную купюру водителю.

На этот раз водила был русский. Молча взял деньги и кивком головы показал в салон. Мест свободных было много, и я плюхнулся на первое попавшееся. Не должны мы ехать в Москву, тут не развернешься. А впереди уже Владимир, там и сделаю следующую пересадку.

Проехав пост ДПС, где у машины с мигалками стояли два толстых гаишника, я снова отвернулся в сторону. В окно смотреть надоело, и голод с новой силой напомнил о себе. Проехав еще минут пятнадцать, автобус остановился у вокзала. Впереди следующая пересадка. Но сначала нужно перекусить, и желательно не в вокзальной забегаловке. Пройдя немного вдоль домов в витринами, нашел кафе с интересным названием «Базилик». Ну что же, пообедаю как белый человек. Или, уже поужинаю? Солнце скрылось за тучами, и снова зарядил холодный дождь. Отвалив семьсот рублей за три блюда, я снова направился в сторону автовокзала. На этот раз долго не искал ничего, просто купил билет до Нижнего Новгорода. Чем-то знакомым показался мне этот город. Хорошо, что билеты на автобус можно было купить без паспорта, на поезд и самолёт мне путь закрыт. Постояв минут пятнадцать, я, наконец, уселся около окна в комфортабельном синем автобусе и даже немного задремал. День сегодня был слишком насыщенным, и после обильного обеда меня потянуло в сон.

– Макс, ты куда опять собираешься? – красивая брюнетка с длинными волосами обняла меня за плечи и поцеловала.

– Оля, обычная командировка, через недельку вернусь, не переживай, – поцеловал я девушку в ответ.

– Макс, я устала от твоих обычных командировок. Может ты, наконец, переведешься на другую работу, вон, Сергей тебя давно зовет к себе, – не унималась девушка.

– Обязательно так и сделаю. Когда вернусь, позвоню Сереге и обговорю детали, – закивал я головой, продолжая укладывать рюкзак.

Камуфляж, термобелье, аптечка, нож, фонарик, несколько сухих пайков. Это не обычные армейские, это «Кронидов». Мне их не выдавали, я сам купил, благо, стоят не дорого. Они вкусные и не занимают много места. Компас и еще один комплект белья. Куда же это я собираюсь?

– Оля, не переживай, все как обычно, обычная проверка, – успокаиваю я девушку.

– Это обычная проверка! Это проверка! Обычная проверка!!!!

Кто орет? Разлепил глаза и понял, что это мне.

– Дружище, вставай, мы приехали! – трясет меня водитель, мужик лет пятидесяти с морщинистым лицом работяги и грязными натруженными руками.

– Да, благодарю, – вскочил я и вылетел из открытой двери автобуса.

На улице темно, я около вокзала, откуда мне немедленно нужно уходить. На вокзалах всегда полно всякого сброда и бомжей, а значит, и патрули полицейских. Но на этом вокзале, на удивление, все было чисто. В смысле, что не было ни бомжей, ни полиции. Я нырнул в подземный переход, перешел на другую сторону и прыгнул в подошедшую маршрутку «Паз». Ну я же в Нижнем Новгороде, а тут и делают эти самые «Пазики». Автобус выехал сначала на набережную, а потом поехал по мосту. А красиво тут, много огней, весь противоположный берег светиться, и монастырь с белыми стенами весь в огнях, а вон там, слева, видна подсветка на красных башнях небольшого кремля. Не такой большой, как в Москве, но все же кремль!

Я выскочил на следующей остановке, забежал в местную кафешку перекусить и выпил кофе. А заодно проверил свой купленный смартфон. Халявный «вайфай» заработал, и я быстро нашел сайты сдачи жилья внаем. Мне дней на десять, и поближе к моему местоположению. Отлично, то, что нужно, вид на Волгу. Договорившись с хозяйкой квартиры по телефону и заплатив по счету в кафешке пятьсот рублей, я выбежал на холодный свежий воздух и пошел в сторону реки. До нужной квартиры было около километра. Не смотря на усталость, я весело шагал по освещенным фонарями улицам. Прохожие шли мне навстречу, и я улыбался им. У меня появилась цель.

Хозяйка, женщина лет пятидесяти, полная, долго смотрела мне в лицо и шурила глаза. Еще бы, командировочный, вроде приличный с виду, а без вещей, и документов нет. Очень подозрительно, но деньги то вот они, в руке зажаты. А деньги лучше любых документов, они больше доверия вызывают.

– Да у старшего все в машине. А он договариваться поехал, то, се. Я сейчас сниму, а документы, если вам так нужно, привезут потом. В гостиницах то, – наигранно говорил я, – цены ломают, а нам дней десять всего. А может, и раньше съедем, двое нас.

– Откуда же вы такие приехали, – снова сощурила близорукие глаза женщина, сдающая квартиру, одетая в синюю кофту и домашние тапочки. Наверняка где то рядом живет, проверять точно ходить будет.

– С Ростова мы, – неопределенно пожал я плечами.

– То то я смотрю, выговор не наш, – усмехнулась дама, – хорошо, по три тысячи в день, и залог мне оставляйте двадцать тысяч. Мало ли что!

– Какой залог? – удивился я. Отдавать сразу столько денег не хотелось. Да и заберу ли я потом этот залог?

Но в итоге, я отдал пятьдесят тысяч под расписку, и мы, довольные друг другом, расстались. Я получил ключи от двухкомнатной квартиры в старой пятиэтажке на набережной, с окнами на две реки, Оку и Волгу, а ее хозяйка деньги. Когда вошел в квартиру, запер за собой дверь, снял ботинки и прямо в одежде рухнул на диван. Вот и все, я на какое-то время обрел дом. Кстати! Я чуть не подпрыгнул! Подпись! Я подписывался своей подписью в этом договоре! И тогда, в больнице участковому подпись поставил! Я бросился по квартире в поисках ручки и листка бумаги, нашел старую квитанцию и карандаш, и принялся выводить каракули. Но кроме буквы «М» и «В» ничего не разобрал. Ужасная у меня подпись...

Вам нравятся домашние дела? И мне тоже не нравились, а сейчас вот с удовольствием ими занимаюсь. Сходил в магазин, улыбнулся незнакомой соседке на лестничной площадке, красивой темноволосой девушке, начистил картошки. Салат порезал, пиво открыл, кровать застелил, включил телевизор и с бутылкой пива завалился на диван. Что там у нас интересного?

– Евгений «Кувалда» Мордашов, не знающий поражений нокаутёр, встретится в пятницу в Ростове с африканским кошмаром Нунгабе Мулунго, – вешал диктор из телевизора «Самсунг», и я внимательно стал вглядываться в экран. Евгений «Кувалда» Мордашов...

Да я точно смотрел этот бой. Во втором раунде его в нокаут пошлют. Точнее, там стоячий нокаут будет, рефери бой остановит. Какое у нас число? Так, октябрь, двадцать первое. До боя пять дней. Интересное кино. И деньги почти подошли к концу. Я попытался зарегистри-

роваться на сайте ставок, тыкал в телефон пальцами, но тщетно. У меня ни карты, ни паспорта. Как же быть? Миша? Тот самый московский знакомый? Почему бы и нет. Набрал тому сообщение в «Вайбере» и Миша сразу ответил. Ну а что, деньги лишние не помешают. Я и так уже скоро на мели буду с этим залогом и квартплатой. Будь он неладен, красивый вид из окна.

– Ну что, как устроился? Вспомнил что хотел? – Миша положил себе кусочек мяса в рот, прожевал и снова взял в руки нож, что бы отрезать ещё кусочек от стейка.

– Устроился нормально, пока не вспомнил что хотел. Но про один результат боя знаю, – ответил я. Есть хотелось сильно, но я не спешил. Михаил приехал на большом черном «Лексусе» в сопровождении двух «молотобойцев». Так я сразу назвал двух здоровых парней, выше меня на голову. Скорее всего, либо борцы, либо гребцы. А скорее, все вместе. Стрелять не умеют, но одним своим видом должны наводить ужас на окружающих. На всех, кроме меня, хотя оружия у меня с собой не было. Ствол я спрятал за батарею на съемной квартире. Да и патронов к пистолету у меня оставалось всего три штуки, много не постреляешь. «Молотобойцы» с нами в кафе не пошли, стояли на улице. А мы с Мишкой, как я его назвал при встрече, заказали себе по стейку из говядины, средней прожарки, по свежему салату и по бутылке минералки.

– С чего ты взял, что мне это интересно? – глядя в глаза, спросил меня Михаил, или как там его звали на самом деле.

Сейчас он выглядел просто миллионером. Дорогой костюм с серым отливом, галстук явно от «Гуччи», дорогой одеколон, часы, запонки с бриллиантами. Одним словом, разбогател парень. Сразу видно, не зря в Москву катался, покорил неприступную столицу. А в Нижний, кстати, он довольно быстро прикатил. Видимо, где-то недалеко обитает. Не умеешь ты, Михаил, в покер играть. Если бы тебе это было не интересно, ты бы не прилетел сюда.

– Так это нам обоим интересно. Ставки там нормальные, коэффициент пятнадцать на нужный исход. Малыми средствами при небольших затратах получишь много, – уверенно сообщил я и смял в руке бумажную салфетку. Только бы он согласился! Если откажется, придется искать другого компаньона.

А Михаил не спешил. Он-то выходил и звонил, то снова смотрел на меня и задавал уточняющие вопросы, то что-то искал в своем смартфоне. Наконец, мы расстались. Не сказать, что довольные друг другом, но... Короче, Михаилу нужно время что бы обдумать мои условия. Два молотобойца смерили меня презрительным взглядом, после чего один из них, тот, что в черной короткой куртке, сел за руль, а другой, в длинном белом плаще, сел на заднее сидение. Братья они, что ли? Но что оба качки, это точно. «Лексус» укатил, поддав газу, а я побрел по улице в сторону набережной. Ну что же, обещали подумать, это не послали. Глазки то у Миши загорелись, это факт. Мне теперь остается только ждать или... А что или? Самому пытаться сделать ставку или искать другого компаньона. И я его точно найду. Кого? Да вот хотя бы эту симпатичную соседку в своем доме. Убедю ее, или убежду, сделаем ставку и...

И тут меня обрызгал проехавший мимо «Лэнд Крузер» черного цвета. Надо же так, все мечты разбил одним махом. Я отошел в сторонку, к красивому дому с колоннами и скульптурами, и начал отряхивать брюки. Замечтался я, загулялся, и на набережной уже иду. Справа старинные дома, гостиница большая в одном из них, а вот в этом, около которого я стою, музей. Исторический музей, как написано на табличке. А слева от меня откос и Волга течет. Судоходства уже нет, вроде бы. Хотя, вон, катерок плывет маленький. Я отвернулся и снова посмотрел на свои брюки. Да, нужно на замену еще одни штаны купить. Ботинки ладно, добротные ботинки. Я даже фирму их вспомнил – «Прабос». Сам недавно покупал в магазине. Стоп, я покупал их в магазине? А сколько всего магазинов в Москве продает эту обувь? Нужно выяснить, сделал себе пометочку в голове.

Не знаю зачем, но ноги повели меня на крыльцо старинного особняка с колоннами, и я открыл массивную деревянную дверь. В музей пошел, зачем, сам не пойму. Купил билет за

пару сотенных бумажек, миновал охранника опойного вида, в черной униформе, сидящего за столом, и пошел бродить по залам. Вот и одежда, и оружие старинное, интересно, аж жуть. И время летит незаметно, пока там Михаил с партером своим думает. Условия я вроде бы нормальные обозначил, в результате я уверен, скрываться от него мне смысла нет. Две сотни тысяч мне как раз лишними не будут, хотя... Я запнулся и уставился на очередную витрину. Это же он!!!

Внимание мое привлек нож. Это был не обычный нож. Трехгранный клинок, длинная рукоять и руны на ней. Сам нож был черного цвета, но это явно почернение от времени, или еще от чего. Надпись под ним была «Ритуальный клинок. XII век». Все, больше ничего. Но я почувствовал, что это именно МОЙ нож. Этот предмет мне жизненно необходим, и мне нужно как можно скорее получить его. Около стенда шли провода сигнализации, и видеочамера записывала все, что происходит в зале. Ну что же, хватать его сейчас и бежать – несомненная глупость. Что тогда делать? Я направился на выход, и внезапно, решение созрело само собой.

Около входа стоял и курил тот самый вахтер, невысокого роста, небритый, с запахом перегара.

– Добрый день, уважаемый, – начал я издалека, – видите ли, я коллекционер, и мне необходима консультация опытного человека. Вы же опытный человек? – и тысячная купюра из моей руки перекочевала в трясущуюся ладонь охранника.

– Не-не-не, Ваня, не проси! Ты же понимаешь, – пьяно замахал руками Сергей, мой новый знакомый.

Сергею Королеву пятьдесят семь лет, он разведен, живет один, работает уже пять лет в музее. А что, жуликам тут брать нечего, все ценные раритеты увезли, так, старина одна и осталась. Да еще несколько новоделов, которыми эту старину и подменили.

– Серег, а в чем дело? – я подлил еще водки в опустевшую стопку, – я принесу точно такой же, ты заменишь этот ножик, оригинал отдаешь мне. Пятьдесят тысяч за такое – отличная цена.

Сегодня понедельник, уже восемь вечера. Сергей сменился полчаса как, смена у него сутки через двое, начинается в семь вечера. Сутки отдежурил, двое дома, халява для пенсионера. Но он хоть и пенсионер, а бывший мент. Не знаю я, кем он там служил, но цену себе явно набивает. Сто тысяч, гад, просит. А мне всего-то обещали в случае успеха эту сумму. Но торговаться тут не уместно, он вряд ли уступит. Да и народу в этой, мягко говоря, паршивой закусочной все прибавлялось. Вот тебе и первый рабочий день, алкаши все идут и идут. Рядом со мной два дедка расположились с пивом, чуть дальше за облезлым деревянным столиком еще три мужичка с бутылкой сидят. Эдакий островок совка в центре города. Я и сам при виде закусочной в парке с ностальгией прошлые года вспомнил. Как в девяностых обстановочка, смех, да и только. Выйти из музея, пройтись по набережной метров пятьсот, спустится вниз по лестнице и вот она – «Ракушка», причем в прямом, и в переносном смысле. Кафе «Ракушка» похожа на ракушку, только облезлую. Синяя краска местами облупилась, двери железные, тоже с облезлой краской, и старая вывеска над входом. Когда мы пришли, был всего один столик занят. Сейчас же заняты все десять столов. Заведение явно пользовалось популярностью, поэтому и выжило в эти непростые девяностые, и теперь приносит прибыль своим владельцам. А вот поменяй тут все, и никто ходить не будет. А так старых домов полно рядом, вот и по старой памяти ходят люди в «Ракушку».

– Хорошо, – сдался я, – твоя смена через двое суток. Я приношу похожий нож, ночью ты мне выносишь этот и получаешь свои сто штук, по рукам? – протянул я Сереге ладонь. Именно Сереге, а не как там его по отчеству.

– Нет, не по рукам, – обиженно отвернулся Серега и его лицо, и так красное, покраснело еще больше. А нос стал синим. Ну что тут сказать, у алкоголиков своя логика. Получает в музее пятнадцать тысяч, и не жужжит.

– Сто тыщ и сразу! – хлопнул ладонью по столу Сергей, и я сразу завертел головой по сторонам. Но этот хлопок не привлек внимание наших соседей. Пенсионеры взяли по второй кружке пива, а за вторым от нас столиком компания что-то бурно обсуждала, до нас никому нет дела.

– Серег, ты пойми, я не то, что бы тебе не доверяю, – пустился я в уговоры, – но так дела не делаются.

Потратив еще минут двадцать, мы все таки ударили по рукам. Сергей получил авансом червонец, причем, я сильно опасался, как бы он не нажрался и не загулял. Хватит ли ему двое суток, что бы просохнуть? Оставалась только надежда на его здравый смысл и на опыт охранника. И в чем то эти надежды оправдались, Сергей поднялся из-за стола и отсчитал несколько купюр бармену. Видимо, отдал долг, так как за заказ я уже заплатил. Ну что же, расстались мы вполне довольные друг другом, и Королев, шатающейся походкой забулдыги, побрел в арку между домов. А я пошел по набережной. Темнота, только свет фонарей и много-много огней вдоль реки. Сразу справа от меня откос, дорога и река, красота. На Волге широкой, на стрелке далекой... Я перегнулся через перила и плюнул на зеленый склон откоса. Где теперь мне сделать копию этого ножа? Ничего, завтра найду мастера, заплачу... При слове заплачу у меня кольнуло в боку. Опять заплачу. Зачем и для чего мне этот нож? Зачем я только что отдал охраннику музея десять рублей и пообещал еще девяносто тысяч? Я сошел с ума? Не знаю, так ли это, просто знаю, что мне очень нужен этот нож. Просто позарез мне нужен нож. Именно этот, не его копия, а тот самый нож из исторического музея.

От выпитого чутко мутило, хотя я и выпил то граммов сто всего этого отвратного пойла, которое уничтожал Сергей. Я потряс головой, посмотрел по сторонам. Площадь Минина передо мною, памятник Чкалову и его же именем названная лестница. От красоты этого захватывало дух, но почему то я знал, что ранее неоднократно видел этот пейзаж. Вдохнув и выдохнув полной грудью, я посмотрел на часы и побрел домой. Самое время перекусить, и наверняка жареная колбаса с яйцами, которую я сейчас приготовлю, будет очень кстати. Идти мне тут до дома около пятнадцати минут, и это очередной плюс того, что я снимаю квартиру в центре города.

– Приветствую, как устроились? – от неожиданности я вздрогнул. Та самая симпатичная темноволосая соседка по лестничной площадке окликнула меня у подъезда. Тоже возвращается домой или стояла тут? Не знаю. Может быть, и специально меня ждала.

– Добрый вечер, спасибо, нормально. А вы давно тут живете? – остановившись, улыбнулся я в ответ.

Ростом она около ста семидесяти, фигура скорее худощавая, но не понятно, джинсы и короткая серая куртка скрывают. Ноги длинные, ямочки на щеках, милое лицо, длинные черные волосы спадают с плеч, и приятный голос. Почему бы не остановиться и не поболтать?

– Кажется, целую вечность. Почти три года. Снимаю квартиру, – со вздохом, ответила моя новая собеседница, – а вы тоже прогуливались перед сном?

– Да, знаете ли, вышел аппетит нагулять, – ответил я, стараясь дышать в сторону. Еще не хватало, что бы от меня несло этой сивухой, что я пил в «Ракушке».

– Ну и как вам город, – спросил я, что бы хоть как то поддержать разговор. Знакомство это уже не казалось мне случайным. Который раз я натыкаюсь на эту девушку. Она снимает квартиру три года? Три года, Карл! Тут не дешевые квартиры. Их обычно снимают приезжие на короткий срок, или миллионеры.

– Город красивый, зарплаты маленькие, квартиры дорогие, – засмеялась девушка и продолжила, – меня, кстати, Ольга зовут, а вас?

– Максим, – механически ответил я и хотел идти, но что-то удержало меня. Может, те сто пятьдесят грамм бурды, что я выпил в «Чайке», может, еще что.

Мы стояли и болтали на улице уже полчаса, и уходить мне не хотелось. Это называется «установить психологический контакт с объектом». И объектом тут выступаю я сам. Умом я это понимал, но уходить не хотел. И как теленок, поплелся к Ольге домой на ужин. Что-то такое в этой девушке было. То ли улыбка, то ли мелодичный голос, а скорее всего, мне просто не с кем было даже поговорить по душам сейчас. А тут все проблемы разом отступили. Я спокойно ел домашний салат из помидор с растительным маслом, потом жареную картошку с салом, попил чаю, еще немного поболтали и я пошел домой. Благо, идти то куда далеко и не нужно было. Вышел на лестничную площадку и зашел в соседнюю дверь, отперев ее своим ключом.

Глава 3. Ритуальный клинок.

– Сорок два, сорок три, сорок четыре, – проговаривал я, стиснув зубы.

Пятьдесят раз сделать разножку, пятьдесят раз упор лежа-упор присев, пятьдесят отжиманий, пятьдесят подъемов туловища из положения и пятьдесят бёрпи. И все это без отдыха. Без отдыха не получалось, ноги сводило, руки не слушались, дыхание сбивалось. Я делал этот комплекс, в командировках, когда не было возможности сходить в спортзал. Мышечная память возвращалась ко мне, тело приходило в норму, и это было очень хорошо. После душа я поставил вариться три яйца на медленный огонь газовой плитки, выпил стакан воды из графина с серебряной монетой, и у меня запершило в горле. Откашлявшись, я вылил воду и взял монету в руки. Старый советский полтинник, уже почерневший весь. Интересно, откуда он у хозяйки квартиры. Я поднял монету повыше над окном, и увидел, как на фоне реки чернота стала уходить, и серебро наполнялось блеском. Вместе с тем усталость покидала меня и физическая сила стала наполнять все моё тело.

. Вот это номер! Серебро так действует на мой организм? Я решил попробовать монету на зуб, и закашлялся. Нет, что-то тут не так. Снова налил воды из чайника и бросил монету в графин. Пусть так пока, попью еще воды с серебром. Оказавшись в воде, монета стала на глазах чернеть. Как будто вбирала в себя все темное и плохое из воды. А я, когда брал монету в руки, впитывал все это в себя? Похоже на то... Странно все это, очень странно.

Закончив экспериментировать, я сел за стол, взял кусок бумаги и принялся чертить по памяти эскиз этого ножа. Вот рукоятка, и руны на ней. STD. Что они означают? Несущий свет, по-моему. Вот на лезвии еще руны, и символы. Размеры примерно длина лезвия около пятнадцати сантиметров, рукоятки на треть короче, стало быть, семь с половиной сантиметров. Гарда и упор. Да, очень похоже. Закажу его из стали и покрашу краской из баллончика. Будет похоже, по крайней мере, издалека. А в руки брать музейный экспонат никто не будет. Да и вообще, никто в этом заштатном музее не обратит внимания на такой блеклый экспонат.

С третьего раза я дозвонился до мастерской, где мне согласились изготовить нож на заказ. Быстро собрался и побежал, благо, мастерская эта располагалась неподалеку. На трамвае проехал четыре остановки, поплутал немного и нашел подвал с большой желтой вывеской «Рубеж пятьдесят два. Магазин военного снаряжения». Очень кстати, снаряжение мне как раз не помешает. Сразу на входе после спуска по лестнице я увидел плакат «Be ready», или будь готов по-русски, и знакомый логотип. Почему то показалось, что я уже был в этом магазине, или, может быть, посещал мастерскую.

– Доброе утро, вам подсказать что-то? – вышел ко мне из-за прилавка высокий бородатый парень лет тридцати, одетый в странную футболку и брюки военного покроя в расцветке, по моему, морпат, но могу ошибаться. Я не специалист по иностранной расцветке камуфляжа.

– Мне бы в мастерскую, изготовить нож, – покашлялся я. Проклятая вода с серебром немного першила в горле.

– Миша, – громко крикнул бородатый, и из подсобки ко мне вышел невысокий человек лет пятидесяти, с трехдневной щетиной и оспинами на лице.

Как не странно, не смотря на неопрятный внешний вид, перегаром от этого Миши не пахло. Вкратце изложив техническое задание, показав свой эскиз с размерами, я оставил две тысячи задатку и получил заверение, что завтра к вечеру нож будет изготовлен и мне даже подарят баллончик с черной краской. Довольный, я уже хотел уходить, когда вдруг снова обратил внимание на логотип. Тут продавались те же ботинки, что и на мне.

– Извините, не подскажите, по обуви, – обратился я к продавцу с бородой.

– Да, конечно, – вскочил тот со стула и направился ко мне, – у нас как раз новое поступление от чешского бренда «Prabos».

– Я не в этом смысле, а вот посмотрите на мои ботинки, – показал я на свою ногу, – мне их подарили, тоже этот же бренд, видите, – и я показал на логотип, немного задрвав штанину, – не подскажите, не у вас их купили?

Бородатый внимательно изучил логотип, потом сам ботинок и почесал едва наметившуюся лысину.

– Очень интересно. – Он погладил бороду и задумался, – логотип стоит правильный. И внешне сильно похожи, подошва «Вибрам». Но такой модели я не видел даже у чехов. У нас вы ее точно взять не могли. Можно я сфотографирую ваши ботинки?

Я не стал возражать, и продавец несколько раз в разных ракурсах сфотографировал мою обувь на свой потрепанный айфон, потом пошел к компьютеру и что-то долго высматривал в мониторе, сравнивая фотографии.

– Очень странно, – пробормотал он, – я зашел на сайт компании, у них нет ничего подобного. Отписался директору, и жду ответа.

– А в другом магазине такие могут быть? – я уже начал терять интерес к этой теме, ну нет ботинок в этом каталоге, наверняка будут в другом.

– Вряд ли, – пожал плечами бородатый, – мы пока единственные в России это обувь возим. А вот и ответ! – потер он руки, но чем больше читал, тем больше менялось его лицо. Как будто он увидел инопланетянина в моем лице.

Бородатый переводил взгляд с монитора на меня, потом еще раз вскочил и подошел ко мне, разглядывая мою ногу.

– Что-то не так? – хотел уже уходить я.

– Хм, – прокашлялся продавец, – директор «Прабоса» ответил мне, что на вас экспериментальная модель, которая только в нескольких экземплярах есть у них, и то в разработке. Производство планируют в лучшем случае через полгода.

– Бывает, – хмыкнул я и развернулся на выход, – ну до завтра, до свидания, завтра за ножом зайду.

Я поднялся по лестнице и поежился. На улице подул сильный ветер и вот – вот начнется дождь. Заметно похолодало, а кепку я свою потерял. Вернее, не потерял, а забыл в больнице, когда убежал. Подумав секунду, я развернулся и сбежал по ступенькам вниз.

– Будьте добры, – обратился я к бородатому, который так и сидел за монитором, – кепку посмотреть вот эту, – указал я на похожую, что была у меня.

В итоге я не только прикупил кепку, но и чехол под нож взял. Нужно же мне где-то свой будущий клинок переносить, не в кармане же? А этот сразу на пояс надевается. Деньги мои таяли с космической скоростью, и когда я получил сообщение от Михаила по «Вайберу», обрадовался почти как наступлению Нового Года.

Встретились мы в торговом центре «Небо», рядом с той мастерской и магазином, где я заказал себе нож. Точнее, не себе, а на замену тому, настоящему, в музее. Пришел я за час до встречи, погулял по магазинам и сел в кафешке на пятом этаже, предварительно взяв поднос с колой, бигмаком и картошкой, который заказал тут же. Мест свободных было много, но народ постоянно прибывал. Рядом со мной села молодая мамаша с ребенком, видимо, ждали заказа. Парень на ее руках повернулся в мою сторону и протянул руку. Я как раз жевал картошку

фри, и не нашел ничего умнее, чем дать ему длинную картошину. Мальчик улыбнулся мне и принялся жевать картошку.

– Что, детей подкармливаешь? – раздался голос Михаила рядом, и я подвинулся, освобождая ему стул.

– Присаживайся, мил человек, – жестом показал я ему на стул, а сам отпил из стаканчика колу. Гадость несусветная, и зачем я только ее взял?

– Ну что, Макс, обдумали твоё предложение, заманчивое оно, однако. Кэфы то еще больше выросли, думаю, сыграем мы с тобой в эту игру, – сразу перешел к делу мой новый партнер, – но на наших условиях.

Миша тоже не устоял и сунул руку за моей картошкой фри. Взял несколько штук сразу, отправил их в рот. Одет он в этот раз был без особого лоска, по простому. Черная спортивная курточка и джинсы, причем, не самые дорогие, скорее, бюджетные и практичные.

– Завтра вечером встречаемся, как и условились, даем тебе половину, и вместе едем в одно место, – прожевав картошку, Михаил полез за еще одной порцией. – Там смотрим бои, все нормально, отдаем тебе вторую половину. Ну и разбегаемся. – Подвел итог Михаил.

– А второе мое условие? – напомнил я. Вторым моим условием было сделать мне документы.

– Да, точно, чуть не забыл, – лопнул Миша себя по лбу и достал телефон, – дай тебя сфоткаю на белом фоне, – он завертел головой по сторонам, – вон у той стены хотя бы, – показал он пальцем на участок стены около туалетов.

А что, какая разница, где сделать фотографию? Главное, что бы документы потом в это место не пролетели при проверке. Я доел остатки картошки, взял свой поднос, и посмотрел на сидящую рядом женщину с ребенком. Малыш радостно уплетал картошку, и как мне показалось, подмигнул мне.

Расстались мы с Михаилом вполне довольные друг другом, времени свободного у меня было много до завтрашнего утра, я погулял по набережной и постоянно думал над ситуацией. На улице моросило, и я поднял капюшон у куртки. Людей на встречу мне почти не было, даже мамы с колясками поскорее поспешили уйти с прогулки, вот-вот начнется дождь, да и холодный ветер не способствовал желанию находиться на свежем воздухе. Однако, мне это было на руку. Пройдусь один по набережной и пораскину мозгами.

Итак, все один к одному. Во-первых, чек с заправки у меня в кармане. Он две тысячи девятнадцатого года. Во-вторых, я знаю результаты некоторых спортивных соревнований. И почему некоторых, я смотрел Ю Эф Си и бокс. Тут же я нанес несколько ударов по воздуху, как заправский боец. Ну все верно, я занимался единоборствами, и бью сильно, что не раз уже заметил. Удары и приемы вылетают «на автомате», отработаны на отлично, мышечная память не подводит. Но я ведь не «Бифф Таннан» из «Назад в будущее»? Нет у меня альманаха со спортивными результатами? Но тем не менее, некоторые результаты я знаю, не то что бы знаю, я просто смотрел эти бои и хорошо их помню. И даже если напрячь память, я не помню, где и когда я их смотрел, но вот только увижу по телевизору анонс боя, и сразу вспоминаю этот бой. Нужно почаще смотреть телевизор, и особенно спортивные анонсы мероприятий. Глядишь, много денег заработаю. А зачем они мне? Империю свою создавать, как Биф Теннан? Вряд ли кто дал бы это сделать реальному Бифу. Несколько ставок и букмекеры просто обходили его стороной. А то и засадили бы за решетку, или просто убили, что более вероятно. А возможно, альманах бы отобрали. Там тоже не дураки сидят. Вот и Миша это понимает прекрасно, у него целая команда работает. Наверняка, делают несколько разных ставок на подставных людей, но все равно служба безопасности рано или поздно вычислит их и примет меры.

Так, со ставками все понятно. Как быть с обувью? Этих ботинок, что сейчас на мне... Я даже остановился и внимательно их рассмотрел. Странный цвет, не броский, и в то же время, почти не заметна грязь. Вставки – усиления по бокам, что бы поддерживать стопу. Легкие,

прочные., не промокают, ноги при долгом хождении не устают. Так вот, ботинок этих еще нет в производстве. Значит... Значит, я все таки попал сюда из недалекого будущего. Но самое интересное, зачем мне понадобился этот ритуальный нож? А он мне очень, очень нужен! Без него я не смогу вернуться назад.

Ничего лучшего как пойти домой я не придумал, и остаток дня провалялся на диване. Смотрел телевизор и пытаюсь увидеть хоть какие-то анонсы предстоящих боксерских или смешанных боев. И я таки нашел то, что искал! Смутно боец мне показался знакомым, он выступал на передаче и показывали видео с его боями. И я помню, как он отлетел в нокаут. Ага, как раз от своего соперника, который тоже мелькнул в кадре. Бой через неделю. Отлично, буду иметь ввиду.

Я встал и протер руками глаза. Чёрт, болят! Вот что значит так долго смотреть телевизор и пялится в экран телефона! Интересно, сколько сейчас времени? Я посмотрел на свои часы, уже почти половина восьмого! Пора ужинать. Ну и что бы мне приготовить себе на ужин? В кафе точно не пойду, с финансами пока полная беда. Нет, скоро, конечно, все должно наладиться, но вот сейчас придется опять жарить яичницу. При этих словах мне вдруг стало грустно, но тут раздался дверной звонок. Его протяжная трель прозвучала так громко, что я даже вздрогнул. Я никого не жду, никто ко мне не должен прийти! Быстро бросившись к батарее, я достал оттуда припрятанный пистолет с тремя патронами. Загнал патрон в патронник, и тихонько подошел к двери. Осторожно рукой поднял крышку дверного глазка и посмотрел. Дверь в квартире железная, стальная. Такую сразу не взломаешь, из пистолета не прострелишь. Но если группа захвата просто взорвет ее «ключом»? Нет, группа захвата не стала бы звонить в дверь, она бы просто разнесла ее.

Все мои сомнения и тревоги испарились быстро. На пороге стояла, переминаясь с ноги на ногу, моя соседка Ольга в домашнем халатике.

– Привет, Макс, ужинать пойдешь?

– Макс, ты ведь уже мужчина? – отец лежал на полу и держал руку на животе. Кровь сочилась сквозь пальцы и заливала кафельный пол.

Я шмыгнул носом, вытер рукавом слезинку и молча кивнул головой.

– Смотри, сейчас в этот лестничный пролет зайдет враг, стреляй в него сразу, короткими очередями, по два-три патрона, как я тебя учил, а потом прыгай в окно и на улицу, понял? – отец хрипел и тяжело дышал.

Его автомат был у меня в руках. Большой, тяжелый и горячий. А я был такой маленький, по щеке текла слеза. Сестры с матерью спали на первом этаже, и крики и выстрелы там стихли. Я не хотел думать, что там произошло, и лежа упер ствол автомата через ногу отца. Мушка с целиком смотрела на лестницу. Медленно, как в замедленном кино, в прорези мушки показалась голова человека. Косматая, черная, и как только показались черные злые глаза, я надавил спуск. Плечо заныло острой болью, но я сдержался и нажал на спуск еще раз. Послышался грохот падения и крики внизу.

– Давай, пошел! – прохрипел отец, и я, спотыкаясь, забрался на подоконник и высунул голову в открытое окно.

Второй этаж, высоко, а я такой маленький, наверное, сейчас ноги переломаяю. Там внизу трава, и метров через пятнадцать высокий забор. Через забор мне точно не перелезть, а калитка закрыта. Эти бандиты, что вломились к нам в дом ночью, перелезли через забор и убили Борза, нашего пса. Вон Борз у забора лежит, даже не гавкнул. Мне стало очень жаль своего питомца. Про отца, мать и сестер я старался не думать. Наверняка они будут живы и все будет хорошо.

– Ну же, прыгай! – собрав остатки сил, прохрипел отец, и я с размаху полетел вниз.

Земля больно ударила меня по босым ногам, а автомат ударил по губе. Во рту четко почувствовался привкус крови, но я собрал все свои силы, и когда на втором этаже, в окне,

откуда я только что прыгнул, грохнул взрыв, я уже лежал за поленницей и держал входную дверь на прицеле. Голоса в доме стихли, и в дверном проеме показались два темных силуэта. Тут же я дернул спуск. Отец всегда меня учил, что спуск нужно плавно давить, но я был на взводе, руки дрожали, все тело затекло, сдали нервы. Расстояние было всего метров восемь, не больше. Промахнутся тут сложнее, чем попасть. Грохот падающих тел и снова крики. Я поменял позицию и как раз вовремя. В то место, где я только что лежал, начали стучать пули, выбивая щепки из дров.

Прошла уже целая вечность, и я услышал шорох на втором этаже, в том самом окне, откуда я прыгнул. Как же не удобно целиться вверх... Я привстал на колени и чуть высунулся из за качелей, за которыми я сейчас лежал. Автомат тянул меня вниз, и я просто поставил цевье на качели, так удобнее. Луч фонаря скользнул по траве, приближаясь ко мне. И как только оставалось мгновение до того, как меня ослепят этим светом. Я плавно вдавил спусковой крючок. Снова удар в плечо, на этот раз уже я подготовился и сжался в комок, потом еще раз и еще нажимая спуск. Грохот упавшего, как мешок с картошкой, тела, и громкий крик в доме. Я снова попал! Теперь меняю позицию и держу вход. Я побежал к сараю и тут заметил силуэт справа от дома. Кто-то из бандитов вылез в окно с противоположной стороны, и сейчас крадется ко мне. Выстрелил я первым, сразу на вскидку. И снова человек взмахнул руками и упал на землю. Я потом еще долго лежал и смотрел во все стороны, периодически меняя позицию, перебегая от качелей к сараю, от сарая к дровам, но скоро рассвело, и громкий голос, отдающий команды за нашим забором, голос на русском языке, заставил меня расплакаться.

– Макс, ты чего? Все хорошо, отпусти руку! Это я, дядя Леша, помнишь меня? – друг отца дядя Леша пытался разжать мои пальцы, но я крепко держал автомат и ревел.

– Мак, ты чего? Отпусти руку, Макс, мне больно!

Я открыл глаза и вскочил. Я лежал рядом с Ольгой, тихо тикали часы, два часа ночи. Снова эти кошмары из прошлого...

– Извини, Оль, все нормально, – я встал и босыми ногами прошлепал на кухню. В квартире соседки все было незнакомо, но я нашел графин, стакан на столе, налил воды и жадно напился. Все таки затащила меня в постель моя новая соседка. Нет, ну а что? Девушка она красивая, только, по моему, себе на уме, странная немного, и смотрит странно. Вернулся в спальню. Квартира у Ольги такая же, как и у меня, двухкомнатная, небольшая и уютная. Только окна этой комнаты во двор выходят, и Волгу из них не видно. Кухонное окно выходит на реку, но на нем плотные шторы. А мне так хотелось сейчас посмотреть на огни за окном.

– Оль, ты извини, мне завтра работать, я домой пойду, – пробормотал я, на шаривая рукой одежду.

– Курсант Вахитов! – громко звучит команда.

– Я! – это мой ответ, я курсант, стою в строю таких же пацанов, как и я.

– Выйти из строя!

– Есть! – делаю два шага вперед и разворот кругом.

– Вам сегодня увольнительная, курсант Вахитов, к вам приехали. Бегом к начальнику училища, – уже мягким голосом говорит курсовой, высокий и худощавый майор со шрамом на лице.

Я бегу через плац, потом вбегаю в ворота училища, мимо дежурного и поднявшись по лестнице, уже перейдя на шаг на четвертом этаже, вон там, в конце коридора, кабинет начальника училища, генерал-майора Шлепова. Я был у него несколько раз. Первый раз, когда меня из детдома привезли. Дядя Леша тогда и привез, или Алексей Юрьевич Савельев, как его полное имя. Подполковник Федеральной Службы Безопасности. Сколько лет уже прошло? В Суворовском училище я всего год, и мне уже пятнадцать лет. Пятнадцать лет, а на кителе – «Орден

Мужества». Мне завидуют почти все однокурсники. Только вот у них есть отец с матерью, а у меня нет. Меня прятали ото всех, переводили из одного детдома в другой, и вот я, наконец, год назад, зачислен сюда. И это хорошо, потому что мне нужно отомстить. Отомстить этим гадам за отца, мать и сестер. Я теперь один остался. Только дядя Леша – моя родня.

– Разрешите! – постучавшись, я вошел в кабинет генерал-майора Шлепова.

Дядя Леша сидел на стуле рядом с начальником училища и о чем-то спорил.

– Заходи, курсант Вахитов, присаживайся, – не вставая, показал мне генерал на стул рядом с собой и дальше уткнулся в мое личное дело, лежавшее перед ним.

Я подошел к столу, посмотрел на портрет президента на стене, на знамя в углу, присел и молча ждал, когда генерал прочитает что-то в деле. Наверное, мою характеристику.

– Вот что, курсант Вахитов, – оторвался, наконец, грузный человек от документов на столе и внимательно посмотрел на меня, – ты парень сообразительный. Подтянут, в учебе прилежен, поэтому мы даем тебе отпуск на месяц. Отдохни от учебы, потом наверстаешь. Приказ я подпишу, иди, собирай вещи, и вот, – показав на дядю Лешу, – товарищ тебя заберет с собой.

– Нохчо ву? – неожиданно спросил меня дядя Леша, когда мы вышли за ворота КПП.

– Ву, – автоматически ответил я, – только, больше понимаю, слова, как говорить, забывать начал, хотя, у нас тут паренек с Грозного учится, Ваха, с ним говорил, вроде, вспоминать начал, – поспешил добавить я.

На улице жара под тридцать, и пот из-под форменной фуражки стал стекать мне по вискам и на лоб. У КПП нас ждал микроавтобус «Форд» белого цвета, и распахивая дверь в салон, дядя Леша снова повернулся ко мне.

– Ничего, Макс, вспомнишь, время есть, – и чуть запнувшись, добавил, – ты же отомстить должен, не забыл?

Я сдержал наворачившуюся слезу, и молча покачал головой. Я не забыл, я помню.

– Вот как раз и появилась такая возможность. Ты здорово на местного похож, язык и обычаи знаешь. Сейчас в управление, потом отдохнем немного, в кино ходим, а вечером вылетаем.

Утро было как обычно. Те же серые тучи на небе за окном, тот же вкус кофе, та же квартира. Но что-то поменялось в этой моей новой жизни. Я узнал свою настоящую фамилию. Странное это дело, когда не знаешь, кто ты, и пытаешься гадать. Гадать на кофейной гуще это не дело, а вот во сне мне приходят эти картинки из прошлого, и по ним я складываю мозаику, как в детстве давно пытался складывать пазлы. Потянувшись, я встал и пошел на кухню, включил чайник и высыпал остатки кофе в стакан. Нужно еще кофе купить, а то хозяйский закончился. Да, я вот так бессовестно нашел упаковку кофе в шкафу ипил его, посыпая хозяйским же песком. А что, сумму заплатил не малую, имею право. На часах у нас десять утра, нужно пить кофе, проводить тренировку и... И ничего.

Вместо этого я начал искать в своем «Хуавее» Максим Вахитов. Но ничего интересного не находилось. Два Вахитова в Нальчике, один в Назрани, и в Гудермесе три Вахитовых, но те не Максимумы. Нет, так не пойдет. Если я представитель спецслужбы, то точно в интернете меня не найдешь. Надо бы по знакомым спросить. Сколько у меня знакомых? Только Миша, да эти, в «Рубеже пятьдесят два» парни. Ольга не в счет, она точно ничего не найдет. Хотя... ладно, сегодня много дел. Нужно забрать готовую копию того клинка и передать охраннику Серёге. Деньги от Миши получаю завтра вечером, и завтра же мы едем на... Впрочем. Я не знал, куда мы едем. В голове только вертелась песня «Ехай на...» и пошлое слово. Ну так то да, вот туда и поедем, наверное.

А сегодня мне не терпелось посмотреть на мой нож. Нет, не тот, что мне изготовят в мастерской, а тот, что в музее. Но для того, что бы получить первый, мне необходим второй, просто позарез необходим. Погуляв по улицам и пообедав в небольшой кафешке, с гордым

названием «Пельменная», я направился напрямик в мастерскую «Рубеж 52». Хорошая пельменная, только изжога после нее. Не иначе, из копыт и хвостов пельмени делают.

На улице уже начало темнеть, хоть время было едва ли три часа дня, как я заметил на своих тактических часах. Наверное, потому, что пасмурно и дождь вот-вот пойдет. Потоптавшись возле входа, я плюнул и стал спускаться в подвал.

– Приветствую, это снова я, – протянул я руку бородатому продавцу в магазине, – нож не готов еще?

– Сейчас уточню, – кивнул тот головой, пожав мою руку, и направился к подсобке.

– Миш, ну что там? За изделием к тебе пришли, – крикнул он громко своему коллеге. Тот что-то пробурчал в ответ, и через несколько секунд бородатый вышел из подсобки и обратился ко мне.

– Говорит, скоро доделает. Можете подождать тут.

Ничего другого мне и не оставалось, и я принялся ходить и рассматривать товар. Вот плитники, вот тактические пояса, или «Варбелты», как их называют еще. А вот перчатки. А перчатки, кстати, мне нужны. В это время в подвал зашло сразу человек десять парней в разной форме. И в черной, и в мультикаме, а двое в гражданке. И пришли они явно не за мной, а за снаряжением. Бородатый не успевал отвечать на вопросы, и меня, стоявшего у витрины, тоже приняли за консультанта. А что, я могу и проконсультировать. Посоветовав двоим модель плитника и перчатки, я отправил их на кассу оплачивать покупки, а сам присел на тумбочку для примерки обуви. Когда покупатели разошлись, бородатый спросил у меня.

– А вы сами где сейчас служите?

– С чего это вы решили, что я служу? – усмехнулся я.

– Я тут не первый год работаю, сразу вижу, откуда клиенты приходят. Вы явно из тех парней, что не любят о себе много рассказывать, но очень нуждаются в различных мелочах, – философски заметил бородатый.

А что же, пожалуй, он прав. Я не люблю о себе рассказывать, но чертовски нуждаюсь во многом. А если быть точным, мне нечего о себе рассказать. Мне бы самому кто обо мне рассказал.

Кстати, а вот эта сумочка? Это же сумка – кобура, как раз для меня нужная вещь.

– Под ПМ подойдет? – показал я на сумку-кобуру, висевшую на стене. В спортивном стиле, с красными вставками, из кордуры, не бросается в глаза и в то же время модная. Внутри два отделения, одно под пистолет, второе под свои личные вещи и документы. Открывается быстро, стоит всего две тысячи восемьсот рублей.

– Под любой подойдет, – заверил меня продавец, и я расстался еще с тремя тысячными купюрами.

Михаил вышел из мастерской, неся в руках мое изделие.

– Вот, готово, – сдувая стружку, положил он на витрину нож.

Я схватил его в руки, повертел. А что, вполне себе похоже, вот и руны на месте, почти как на оригинале. Только этот нож никаких эмоций не вызывает. В нем нет той силы, которая содержится в музейном экспонате. Осталось только пройти баллончиком с краской и подождать, пока краска высохнет. Для этого я лично прошел в мастерскую и взял баллончик. Вот тут, вроде, нужно немного черного добавить, и на рукоятки. А в середине и у гарды он серебряный, тут можно не так обильно красить.

В это время в мастерскую, напомиавшую отдельный торговый зал, с таким же оформлением, только немного грязный, вошел высокий широкоплечий мужчина, примерно одного со мной возраста, может, чуть постарше. Одет он был в свободного покроя куртку, джинсы и почти такие же ботинки, что на мне. Только у меня совсем новые, а у него явно той же фирмы, что и с витрины этого магазина, но потасканные изрядно, да и другая модель. В руках он нес большой оружейный чехол.

– Миш, здорово, – вынул мужчина из чехла... Да, да, «Печенег» он вынул, и покосился на меня, – вот тут бы планку подточить, не встает прицел.

Я продолжил красить нож, а парень с Мишей занялись пулеметом. Когда я закончил, то поставил изделие на полку, подул и посмотрел на часы. Наверное, минут десять нужно подождать. Краска, конечно же, не сразу засохнет, но хотя бы нести в пакете нож можно будет, не боясь, что облезет.

– Я в зале подожду, – бросил я Михаилу, увлеченному новой работой, и вышел из мастерской.

Бородатый сидел за компьютером и что-то печатал. Не став его отвлекать, я в очередной раз принялся изучать висевшие на креплении перчатки. Взять или нет? Дороговато, но ведь понадобятся?

– Извините, – окликнул меня вышедший из подсобки мужчина, который принес пулемет, – а вы увлекаетесь этой старославянской культурой или так?

– Так, просто коллекционер, – улыбнулся я, – это у вас в РОСНе увлекающиеся есть, а я просто так...

– Ну да, руны на шевронах кое-кто и носит, – согласился мужчина, – скажите, я вас в московском управлении не мог видеть несколько месяцев назад?

– Меня нет, – не смутился я, – а вот однокурсника моего да. Вместе в военном училище учились когда то, а сейчас он пропал. На контакты не отзывается. Он на меня похож сильно, Вахитов Максим. Если узнаете, что с ним, буду благодарен.

А что, а вдруг? Наглость второе счастье. Мой собеседник кивнул головой и принялся посылать сообщения с телефона. Через некоторое время он изменился в лице и посмотрел на меня.

– Плохие новости, дружище. Погиб Максим Вахитов месяц назад. Говорят, к Герою России представили.

– Понятно, – отвел в сторону глаза я. Все равно, мое лицо этот парень рассмотрел хорошо, скоро опознает во мне того самого погибшего Вахитова. Ну и что? И ничего. Пока ничего.

Попрощавшись, я забрал свой нож, завернул его в пакет и сунул в карман. Чехол, купленный вчера, остался дома. Ничего, еще успею его взять.

– Вот так дела, боярин. Повесили тебя... Хотя, того то как звали? Гришка разбойник. А я наоборот, Жорж... – тихо повторил я про себя знакомый монолог из одного известного фильма. Вот так вот, погиб я, оказывается. Но я же вот он, стою тут? Может, мне просто плюнуть на все и прийти в местное Управление ФСБ? И меня там радостно, с объятьями встретят? Думаю, пока рановато. Сначала мне нужно вспомнить все, а уж потом...

Я механически прыгнул в трамвай, вынул из кармана куртки и сунул кондуктору сторублёвую купюру, получил сдачу, высыпал мелочь обратно в карман, и плюхнулся на свободное место. Это что же получается? Я не погиб, а просто попал в прошлое? Возможно ли такое? Наверняка, это проводился эксперимент военного значения. Возможно, не вполне удачный. Или я использовал какое-то оборудование и оно дало сбой и я потерял память? Но почему и кто хотел меня убить? А самое главное, за что? И почему этот кто-то связан с полицией? Соперничество спецслужб? Да нет, бред. С этими мыслями я проехал четыре остановки. За окном проносились мимо двухэтажные старинные дома, потом церковь, памятники, наконец, я выскочил около поворота, рядом с квартирой, которую снимал, и прошелся пешком чуть больше полукилометра. Нужно забежать к себе домой, перекусить остатками еды в холодильнике, и бежать на встречу с Мишей. А потом с Серегой, если он, конечно, не напился. Вот только, брать ли с собой пистолет из тайника?

Немного подумав, я решил, что документы у меня проверяли всего один раз, даже не досмотрев при этом, а вот убить хотели два раза. Поэтому, перекусив бутербродами и чаем, сунул пистолет за пояс. Нет, так не удобно, да и не практично. Я взял купленную сумку –

кобуру и положил оружие в нее. Потренировался перед зеркалом в извлечении. А нормально так выходит, и что характерно, одежда не мешает, и носить удобно. И в случае чего – сбросил сумку, и точка.

Ну вот, пора уже. И тут же запиликал телефон, Миша интересуется, где я. Отписался ему, что через полчаса на Минина. От музея туда две минуты ходьбы. Быстро собрал шмотки, выскочил из квартиры, и только стал запирасть на ключ дверь, как по лестнице поднялась Ольга.

– О, привет! Куда это ты так резво на ночь глядя?

– Привет Оль, – чмокнул ее в щеку, – по делам уезжаю. На пару дней.

– Ну катись, катись, – обиженно надула губки моя новая знакомая и отвернулась.

Я развернулся и пошел вниз по лестнице. Кто она мне? Да никто, мы вообще знакомы пару дней. И какого хрена мне тут претензии предъявляет? Типа обиделась. Да мне все равно, пусть дальше обижается! Я в сердцах толкнул ногой входную дверь, и остановился. Может, пойти, успокоить, поговорить? Я же не такой черствый и бездушный? В итоге плюнул на мокрый асфальт и зашагал в сторону площади Минина. Да нет, именно такой, не охота мне сопли распускать сейчас, да, нравится девушка, но я её совсем не знаю. Мне еще с Сергеем встречаться.

Не смотря на мои опасения, Королёв появился у «Ракушки» в условленное время. До смены ему оставалось еще чуть меньше часа, но по глазам я понял, что Королев еле сдерживался, что бы не заглянуть в кабаки и не накатить.

– Серег, вот, смотри, похож? – и я развернул пакет с ножом.

– Вроде да, тут темно еще, – повертел он в руках изделие, – да и в музее на него никто внимания не обращает. Отключу сигналку, вырублю на минуту камеры и заменю, делов-то. Давай завтра в это же время...

– Нет, Серег, сегодня нужно. Завтра я уеду. Через пару часов сможешь? – перебил я охранника.

– Блин, вот у тебя спешка, – отвернулся Королёв и полез в карман за сигаретами. Судорожно чуть трясущимися руками достал из пачки одну сигаретку и стал хлопать по карманам в поисках зажигалки.

– У тебя огоньку не будет? – посмотрел он на меня.

Я покачал головой.

– Не курю.

– Вот ведь, одни спортсмены вокруг херовы, – заворчал охранник и таки вытащил из кармана бренок зажигалку.

– Бабки покажи, – затянувшись, строго спросил он меня.

– Через час привезут вот сюда, – и я показал направление в сторону памятника Чкалову.

– Точно привезут? Не кинешь старого солдата? – с опаской, пуская дым, переспросил Королёв.

– Серёг, а смысл мне тебя кидать? Я же сказал, заплачу. Мне этот нож нужен, тебе деньги. Устроим взаимовыгодный обмен через пару часов, годится? – сунув руки в карманы, уставился я на охранника.

– Ну хорошо, уговорил, – пряча мое изделие в карман, решил наконец Королёв, – там черный ход со двора дома, вот к помойке подходи через два часа. Только один приходи, и что бы бабки принес сразу, лады? – выбросил недокуренную сигарету в сторону охранника и протянул мне руку.

– Лады, – хлопнул я его по руке и пошел в сторону площади.

На встречу мне светили фарами автомобили, шли редкие прохожие, а я целеустремленно, разрезая пространство, шел к своей цели. Подходя к площади, заметил мигающий аварийкой черный «Лексус» прямо у знака «остановка запрещена». И номера знакомые, три семерки. Миша приехал по мою душу.

– Здорово, бандиты! – плюхнулся я на заднее сидение и протянул руку Мише и сидящим в машине молотобойцам.

– Держи, пересчитывай, и погнали! – коротко бросил Михаил, сидевший за рулем, и протянул мне пачку пятитысячных.

Одет он был все в ту же спортивную курточку, только на голове сейчас красовалась черная флисовая шапочка. Молотобойцы сидели молча, один на переднем сиденье, второй рядом со мной сзади.

Я не спеша пересчитал деньги, все верно, ровно сотня тысяч.

– Миш, придется задержаться на пару часов. Мне сейчас одну вещь принесут, без нее не поеду, – хлопнул я водителя по плечу.

– Что за вещь? – недоверчиво развернулся он ко мне, но заметив идущего к нам гаишника включил зажигание, убрал аварийку и медленно поехал по площади в сторону съезда на мост.

– Какая разница, куплю одну вещь и поедем. Вон, в кафешке посидим, перекусим заодно, – настойчиво повторил я, показывая на возвышающуюся двухэтажную громаду в центре площади.

– Нет, тут машину негде поставить, – покачал головой Михаил, – сейчас чуть во дворы проедем, там бар «Хмель» есть, в нем пиво отличное. Да и так перекусить есть чем, все равно к ночи теперь только на месте будем.

«Лексус» развернулся и резво затормозил, пропуская двух молодых девушек, наверное, студенток, на пешеходном переходе. Сидевший со мной молотобоец аж присвистнул и проводил их длинным взглядом.

– Вот бы с собой взять! – мечтательно протянул он.

– Дело делаем, тогда хоть десяток с собой тащи, – усмехнулся сидевший впереди парень, и протянул мне руку, – меня Андреем зовут, это Саня, – показал он на сидящего рядом со мной. – И Макс, давай, что бы все культурно было. Мы с тобой по-человечески, давай и ты без фокусов.

– Обижаешь, Андрюха, все нормально будет, – заверил я его.

Андрей был все в том же плаще, что и во время нашей первой встречи. А вот Саня приоделся в яркую куртку цветов российского триколора. Странно, вроде мы за город собирались, а парни как на гулянку вырядились. И вещей запасных никаких с собой. Это я голь перекатная, все свое ношу с собой.

– Далеко ехать то? – спросил я, демонстративно убирая полученные деньги в карман сумочки.

Во втором отделении сумки приятно холодила руку пистолет. Не то, что бы я не доверял этим людям, просто доверяй, но пистолет с собой носи.

– Часа три и на месте, – не глядя на меня, отозвался Михаил и припарковался на тротуаре. Он здорово прижал стоявший впереди «Крузак», но тут по другому никак, в центре города парковочных мест не много.

– Ну, что сидим, вон он, этот бар, – показал Саня мне рукой. Выйти через свою правую дверь он не мог, там как раз проезжал автобус.

Бар «Хмель» представлял собой весьма уютное заведение на пятнадцать столиков, три из которых были уже заняты. За деревянными столами сидели в основном хорошо одетые молодые люди и пили пиво. Только мы заказали себе еще и колбаски с соусом, и я взял тарелку чесночного супа. Кухня в баре явно хотела казаться чешской, посмотрим, как это у неё получится. От пива я отказываться не стал, но принесенную кружку так и оставил нетронутой, расправляясь с колбасами. Миша тоже не пил и постоянно нервно поглядывал то на часы, то на меня. Наконец, я встал.

– Пора. Если что, я на связи. Думаю, много времени не займет, – и взял со стула свою сумку с деньгами.

- Ага, бабки оставь и иди, – пьяно бросил мне Андрей, допивая третью кружку пива.
– Бабки мне пригодятся, а ты, если хочешь, пошли со мной, – возразил я.

Миша посмотрел на захмелевшего Андрея и кивнул Сане. Тот выпил всего пару кружек и выглядел трезвым. Мы вместе вышли на крыльцо, и я заметил, что ощутимо похолодало. Или просто с теплого помещения на холод вышел, что сути не меняет. Машин вокруг прибавилось, явно люди подъезжали с работы. Вот и все столики в баре заполнились быстро. Посмотрев по сторонам, я направился в сторону набережной. Саня не отставал за мной ни на шаг.

– Смотри, Макс, ты парень кручёный, со слов Миши, – зашептал он мне, – но если что, я шамальну сразу, – и похлопал себя по боку.

Травмат что ли? Вполне себе может быть. Только я ничего выкидывать и не собирался, но был чуть взвинчен. Эту взвинченность, скорее всего, и приняли мои подельники за попытку сбежать с деньгами.

Мы прошли еще метров сто между домами, пока я, наконец, не нашел нужный двор. Вот этот старый дом, музей с той стороны, а с этой черный ход. А вон мусорные баки рядом. К ним и должен Королёв принести мне нож. Еще раз посмотрел на часы, вроде время подошло.

– Сань, ты тут постой, посмотри, я вон к помойке отойду. Меня из окна человек увидит и подойдет. Ты не лезь, – строго погрозил я пальцем, – что бы не случилось. Только, если сам не попрошу, – добавил я, немного помявшись.

Обычный двор, заставленный машинами. Справа и слева жилые дома двухэтажные, старые дома. Но люди в них живут, вон, окна светятся. Причем, не самые бедные люди живут за этими пластиковыми окнами. А вот в этой квартире окна старые, того и гляди, сгниют все. Тут беднота доживает. Вот такой резкий контраст на набережной, в центре города. Вроде с одной стороны и элитный район, а с другой, место старое. Или, как в Чехии говорят, старо место.

Я прошелся метров десять и встал прямо в свете фонаря, около пластикового мусорного бака. У меня даже появилась идея подойти и покопаться в нем, но ее я сразу отбросил. Еще не хватало, что бы Королёв спутал меня с бомжом. Хотя, маскировка одна из лучших была бы.

Рядом залаяла собака. Я было вздрогнул, но дворняга мимо меня пронеслась в темноту. Громко заревела сигнализация машины в соседнем дворе, в подъезде дома напротив хлопнула дверь. Я стоял и смотрел в сторону окон, которые, по моему предположению, могли быть окнами музея. В одном из них мелькнула тень и исчезла. Через какое-то время заскрипела дверь черного хода, и ко мне, оглядываясь по сторонам, подошел Королёв.

– Деньги покаж, – грубо перешел он к делу.

Я открыл первое отделение сумки и вынул купюры. Королёв сразу схватил их и, не считая, сунул себе в карман брюк, а потом достал из внутреннего кармана своей потертой куртки сверток.

– Держи, – сунул он мне свёрток в руки, – смотри, не считаю, – хлопнул он себя по карману и еще раз посмотрел вокруг, – на честность твою полагаюсь.

Я ничего не ответил, принялся разворачивать сверток, но только моя рука коснулась его, как я сразу понял, это ОН. Наконец, тряпка, скрывавшая клинок, упала на землю и нож засверкал в моей правой руке. Меня все равно что током обожгло, будто какие-то невидимые нити связали мою руку и этот нож, захватило дыхание и мелкая дрожь сотрясала все тело. Постепенно все темнота покинуло это трехгранное лезвие, и клинок засверкал серебряным светом. Дрожь в теле утихла, и я быстро сунул нож в чехол на поясе, купленный в «Рубеже пятьдесят два».

Охранник скрылся за железной дверью, которая была дверью черного хода в музей, и я не спеша пошел к стоявшему в стороне Александру.

– Что это было? – удивленно спросил он, – Тебя как будто током ударило, и что за феерверк ты спрятал?

– Ничего, потом покажу, – нетерпеливо бросил я и ускорил шаг. Нужно было срочно уходить из этого места. Клинок явно узнал меня, даже через столько лет, и он снова напитался той могучей энергией, которая скрывалась в этом ритуальном ноже. А я напитался силой.

– Что стоишь, Сань, поехали, – обернулся я к молотобойцу, и тут началось.

Это волна, как будто пространство исказилось и завибрировало. Почти как взрывная волна, только не ощущаемая никем, кроме меня. Одна, вторая, третья. Меня ищут... Я пытался поставить защиту и пропустить волны мимо себя, но клинок на поясе мешал мне, и я упал на асфальт, как будто споткнулся. На какое-то мгновение потерял сознание, а очнулся, меня трясут.

– Макс, Макс, что с тобой? Вставай! – кричал Саня, и я окончательно пришел в себя. Рука тут же скользнула на пояс и потрогала рукоятку ножа.

Я смог подавить эмоции и, наконец, пропустил волну мимо себя. Снова пошла кровь из носа и я достал платок.

– Нихрена себе тебя торкнуло, – удивился Александр, помогая мне встать, – что это за чертовщина твориться?

– Сань, я сам точно не знаю, но лучше нам быстрее отсюда убираться, – на бегу ответил я. Силы ко мне не просто возвращались, они как будто утроились.

Войдя в бар, я первым делом осушил свою оставленную кружку с пивом одним залпом. Миша только присвистнул, глядя на меня.

– Что сидим? Погнали? – махнул я рукой.

Откинувшись на кожаное сиденье японского внедорожника, я закрыл глаза и снова положил правую руку на рукоятку ножа, ощущая волны силы, исходящие от него. Мимо пронеслась площадь, потом выехали на мост и покатили в сторону выезда из города. По пути заехали в «Евроспар» и Саня с Андреем вернулись с полными пакетами разной снеди. Потом Михаил заехал на заправку, и снова в окне замелькали фары встречных машин. Я попытался задремать, но не мог, снова и снова отбивая атаки волн, что накатывали на меня одна за другой. Наконец, примерно через час, волны стали все слабее, и вскоре прекратили свои атаки. Больше я не ощущал никаких колебаний в пространстве и потянулся на сиденье.

– Далеко еще? – спросил я у Михаила.

– Километров восемьдесят, – не оборачиваясь, бросил он. На спидометре у него была стрелка на отметке сто сорок, и я подумал, что приедем мы быстро. Если не перевернемся на ночной дороге, конечно.

Мы не перевернулись. Через некоторое время машина свернула на проселочную дорогу и поехала через лес. Справа и слева ветки деревьев царапали по кузову, издавая зловещий скрежет. Наконец, лес стал редеть, и мы увидели впереди дома. Точнее, это был один высокий трехэтажный коттедж. Сразу за ним стоял второй, и третий. Видимо, это был новый поселок, еще не заселенный жильцами. В вагончике – бытовке у одного из домов горел свет. Миша остановил машину и окликнул сидящего на лавке сторожа.

– Михалыч, что прохлаждаешься, ворота открывай!

Михалыч, старик лет шестидесяти, невысокого роста, в телогрейке и резиновых сапогах, неторопливо поднялся, прищурился, посмотрел на Михаила, на номера машины, и, кряхтя, пошел открывать решетчатые ворота. «Лексус» заехал на парковку во дворе дома, и Саня с Андреем принялись перетаскивать вещи и пакеты из багажника. А багажник у машины был довольно вместительный, так что на веранде трехэтажного дома выросла груда пакетов и сумок. Я был не прав, когда думал, что парни собрались ехать налегке. Они с собой очень даже много всего набрали. Михалыч включил свет на веранде и ключом открыл железную дверь.

– Проходите, печь как раз сегодня натопил, до утра должно хватить.

– Это камин, Михалыч, а не печь, – поправил его вошедший следом Миша, но махнул рукой и сказал нам, – располагайтесь, на первом этаже две комнаты свободные. Я в третьей лягу, а утром уеду. Дел полно осталось, – и он подмигнул мне.

Дом был довольно просторный, сразу большая гостиная, в центре которой стоял массивный кирпичный камин. Тепло от него, действительно, хорошо прогрело комнату, сразу за камином стоял кухонный стол у кирпичной стены, стойки с посудой и шкафы. Слева и справа вдоль окон стояли диваны, и посередине, напротив камина, возвышался большой обеденный стол. Слева от входа круглая резная деревянная лестница уходила вверх, на второй этаж. А справа был проход в другие комнаты.

– Ну, что б я так жил! – сказал традиционный тост Миша и опрокинул в себя стопку водки, которую достали из пакетов Саня с Андреем, и закусил разложенной на столе мясной нарезкой.

Я от выпивки отказался, сославшись на усталость, и отправился в выделенную мне комнату. Сразу за поворотом маленькая спальня, скорее всего, детская. Диван мне коротковат, ноги приходится вытягивать на весу, но ничего, спать можно. Минус у всего этого великолепия один. Удобства на улице, и воды нет. Канализация к дому еще не подведена. Ну да ладно, пару дней проживем, а там и домой. Положив свой нож под подушку и повесив сумку с оружием рядом на стул, я, не раздеваясь до конца, закрыл глаза и задремал.

Глава 4. Упырь.

1229 год. Инок Артемий.

Что такое погоня? В представлении многих, это когда лошади скачут одна за другой, на максимальной скорости, перепрыгивая через кусты и овраги. Наконец, беглец пришпоривает коня, отрывается и уходит от преследователей. На самом деле все совсем не так, если за вами по пятам скачет отряд всадников, то вас догонят в любом случае. Только представьте, что все, то же самое, только вы бежите. Сможете убежать от преследователей? Если вы отличный бегун, выше на голову остальных, просто и спринтер, и марафонец в одном лице, то да. Но только в том случае, если бежать по прямой и на знакомой вам местности. В противном случае вас загонят и отрежут пути к отступлению, или, что еще хуже, пустят стрелу в спину. То же самое и с лошадьми. У вас есть гарантии, что ваш конь самый быстрый и выносливый? Нет, конечно. К тому же, кони не могут долго бежать в максимальном темпе, на пределе возможного, кони устают. А еще они спотыкаются, падают и умирают.

За Артемием вышли спустя много часов после того, как ускакал он сам, поэтому, шансы уйти от погони у него были. Но скакать по сто верст за день – это невозможно. Коню нужен отдых, нужно что-то есть, ночью нужно отдохнуть, в том числе и спать. Из еды у иеромонаха, коим являлся Артемий, было немного лепёшек и вяленого мяса, и он старался растянуть эти скудные припасы, что бы хватило надолго. В одной небольшой мордовской деревушке Артемий прикупил еще хлеба, благо деньги у него звенели в кошельке на поясе. А в перекинутой через плечо дорожной сумке было кое- что еще. Именно ради этого он и скакал третий день в монастырь, в свою обитель, к настоятелю. Этот ритуальный языческий нож мог убить любого упыря, а упырей сейчас развелось тьма. Ладно бы они прятались по деревьям, выходили ночью на охоту да пили кровь у попавшихся в их ловушку крестьян, так ведь нет. Они воевали! И убить их в бою было практически невозможно, до сегодняшнего дня. Ну случаи, конечно, были. Например, если использовать серебряный наконечник для стрелы, то... Но серебра не много, наконечников тоже, стрелков хороших и того меньше. А как отличить упыря от обычного воина? Сразу и не поймешь.

Иеромонах Артемий чуть пришпорил коня и поднялся на холм. Потом остановился и огляделся. Позади остались леса, он только что пересек их по узкой тропинке, знаменитые мордовские леса, лиственные и хвойные, с большими полянами и оврагами, справа виднелась

река Ока, слева шли поля. Широкие, зеленые и бескрайние. А впереди дорога снова бежала через лес. Преследователей позади видно не было, но Артемий точно чувствовал, что они есть. Несколько волн достигли его души, и колебания он отчетливо почувствовал. А это значит, его ищут не кто-нибудь, а упыри! Захотелось как можно скорее прищпорить коня и поскакать к своей обители, под защиту стен.

– Аргон, вперед! – громко скомандовал коню Артемий и дал шенкеля.

Аргон взмылся свечкой и начал хрипеть. Впереди береза и сосна, а потом дорога резко уходит в лес. Кривая береза росла сразу там, где заканчивалось поле. И сосна была ей под стать, могучая, кривая, не похожая на своих товарок. Те стройные и высокие, даром что в лесу росли.

– Вперед же, ну, – еще раз прищпорил монах коня и тот, повернув голову влево, поскакал галопом.

Как только Артемий поравнялся с одинокой большой березой, росшей прямо на дороге перед лесом, тут же сверху что-то тяжелое налетело на него и сбilo с коня.

– Засада, твою же мать! – только и подумал монах, больно ударившись о камень в траве.

Свалится с коня мало удовольствия, а когда сверху еще на тебя падает здоровый противник, большее вдвойне. Свой меч не достать, плотно прижали к земле и правую руку захватили. Только хрипы и запах пота резко ударил в лицо монаху. Да в голове гудит, дышать трудно, своей крепкой рукой в перчатке рот зажал нападавший. Попытался сбросить его, оперевшись ногами в землю и прогнувшись – ничего не выходит. Навалился большой и здоровый мужик, и пытается его задушить, гад. Правая рука скользнула к ноге, и из голенища сапога чудом Артемий достал засапожный нож – оружие последнего шанса. Длинное тонкое лезвие ткнуло в бок, кольчугу не пробило до конца, но узкий клинок прошел сквозь кольца и попал в почку. Резкий крик, и хватка ослабла. Монах сбросил с себя напавшего, и вторым ударом ножа попал в шею. Кровь хлынула на траву и чуть брызнула на кольчугу инок.

– Держи его! – из кустов выскочили двое, по виду мордва – в кольчугах, с обоюдоострыми мечами, в белых косоворотках.

Артемий выхватил свой чуть изогнутый татарский меч и перехватил засапожный нож в левую руку. Нападавших всего двое осталось, шансы есть. Как чувствовал, нужно было крюк сделать и полями пройти. Аргон заржал немного в стороне. Артемий обернулся и увидел еще трех всадников, скакавших по полю. А вот это уже серьезно, от пятерых не уйти. Плюнув на землю, он сам бросился в атаку на первого нападавшего, с седой бородой, в белой косоворотке, на вид лет сорока. Тот парировал удар меча и развернулся в сторону, нанося свой удар. Артемий блокировал его ножом в левой руке, при этом здорово отбив пальцы, меч то намного тяжелее ножа, и поставив левую ногу вперед вправо, резко крутанулся вокруг своей оси и нанес обводной удар наотмашь, с разворота. Не раз этот коронный прием приносил ему победу, так вышло и в этот раз. Седой бородатый воин отпрыгнул в сторону, а заходивший слева к Артемию молодой боец получил четкий удар мечом в шею, и, не вскрикнув, рухнул на землю. Даже кольчуга не спасла. Старый, увидев это, не решался напасть на инок, и тогда Артемий бросился стремглав к коню, с места вскочил в седло и натянул повод.

– Вперед, Аргон! – крикнул он.

Конь заржал и лихо понесся вперед, унося монаха в сторону леса. А уж на скачках аргону не было равных во всем ханстве. Ну уж, не во всем, но за этого коня монаху не раз предлагали целое состояние, да еще чеканной монетой. Не продал он коня, и вот теперь тот спасает его жизнь.

Засапожный нож пришлось бросить, но да не велика потеря. Главное, сумка через плечо при нем, а в ней он локтем нащупал свой желанный артефакт, за которым и отправлялся в опасное путешествие. Так с мечом в одной руке он и пустился галопом через поле, а потом резко свернул в сторону леса, так оторваться проще. Аргон отдохнул ночь, а эти, наверняка, всю ночь скакали, что бы догнать его. Должен инок уйти, ну точно должен.

– Отче наш, иже си на небеси, – стал повторять молитву Артемий, прищпоривая Аргона. Монах гнал коня, но тот несся из последних сил. Привстав на стремени и обернувшись, инок чуть ослабил поводья. Позади остался лес, и долгая дорога. Аргон тяжело дышал, и изо рта коня шел горячий пар, все бока были в мыле.

– Нужно дать коню отдых, иначе, не доеду до города, – подумал Артемий и спешился.

Оставалось всего немного, верст пять, не больше. Только он сделал несколько шагов по пустынной дороге, как впереди послышался конский топот, и из за высокого холма показались шишаки конников. Не иначе, дружина Новгородская.

Несколько всадников взяли в полукольцо монаха, справа и слева лучники, а впереди, на гнедом коне с попоной, скорее всего, десятник.

– Кто таков? Куда скачешь? – строго спросил десятник. На нем была кольчуга с наплечниками, шишак с личиной, из под которой, в том месте, где находилось отверстие для рта, шел пар. Меч на поясе до поры до времени был в ножнах, но правая рукоять уже легла на его рукоять.

– Инок Артемий, из Благовещенской обители – сразу ответил монах, – в обитель еду, с поручением.

– Что-то не похож ты на инока! – грозно закачал головой старший.

Артемий отряхнул кольчугу. Да, меч в ножнах сбоку, и не простой, татарский, чуть с изгибом. Кольчуга, широкие штаны и сапоги. Так, скорее, одевались войны, но никак не монахи. И кольчуга в крови.

– Я его знаю, – вдруг раздался голос одного из лучников, – он из обители, с монахами его видел несколько раз.

– Откуда едешь? – чуть менее строго спросил старший десятник.

– С Мордвы, – показав рукой, выдохнул инок, – князь Пургас войной идет, за мной его войны гнались, еле ушел. Сообщение у меня важное для настоятеля Благовещанской обители Симония.

– Пургас? – переспросил десятник и снял личину, которая крепилась к шлему.

Под личиной показалось бородатое, но относительно молодое лицо воина.

Пургас – князь мордовских язычников, уже не раз совершал набеги на эти земли, но отбивалась дружина. А теперь, по слухам, у него в войске появились упыри. Они бессмертные. Отрубишь руку – через некоторое время рука вырастает. Ударишь мечом – вроде готов, а потом оживает. Только Савва – сотник княжеский, говорил, что будто бы столкнулся в бою с таким, и рубанул голову ему с плеч. Не ожил обезглавленный упырь.

Старший слез с коня и подал знак остальным. Полукольцо вокруг монаха разомкнулось, и лучники встали по флангам походного строя, достали свои луки, внимательно глядя по окрестностям.

– Добрыня, Любомир, – крикнул десятник, – проводите инока до обители. А остальные, за мной. – И снова вскочил в седло, причем, сделал это, даже не ставя ногу в стремя. Просто прыгнул с земли и все, в седле. Не опираясь и не цепляясь за седло.

– Остальные, за мной, – махнул рукой старший, и добавил, – Любомир, как проводишь, доложите князю, что Борис десятник поскакал в дозор, пусть собирают войско, Пургас войной идет!

Получивший передышку Аргон дышал уже чуть лучше, и Артемий, вставя ногу в стремя, залез в седло и натянул повод. Любомир и Добрыня, вооруженные длинными копьями, сопровождали монаха по бокам, и кони рысью проделали остаток пути до монастыря. Постепенно стали попадаться деревянные хижинки, встретилось небольшое стадо коров с пастухом, чувствовалось, что город уже близко. Когда впереди показалась река и деревянные стены обители, дружинники прищпорили коней и погнали в сторону крепости, которая возвышалась на холме справа.

– Бывай, Артемий, – крикнул, обернувшись, Добрыня, тот самый, что узнал инока, и начал взбираться на холм. Ноги у лошади соскальзывали, но все-таки, всадники поднялись почти по отвесной дороге и скрылись из виду.

Артемий вздохнул и направил Аргона к воротам обители.

– Открывай, что спишь! – крикнул он, и тяжелые деревянные ворота со скрипом поехали во внутрь.

По насыпанной щебенке, тяжело ступая, конь инока въехал за ворота, и Артемий спешился.

– Давай скорее, настоятель ждет, – монах в черной рясе сразу подскочил, взял коня под узцы и повел в стоявшую поодаль конюшню.

Артемий осмотрелся вокруг. С его отъезда ничего не поменялось, только вон на стенах монахи с луками стоят, да трое упражняются с мечами. А ведь пару месяцев назад мечей у братии не было. Он быстро прошел по двору и поднялся на деревянное крыльцо. За дубовой дверью уводил в прохладу длинный коридор и ступени, поднявшись на второй этаж, Артемий привычно толкнул окованную железом дверь и тут же на него уставились несколько пар глаз. Симоний, старый, но еще крепкий мужчина, худой, с седой бородкой, в черной рясе и с посохом строго спросил.

– Ну, принес?

– Принес! – выдохнул Артемий и полез в болтавшуюся через плечо дорожную котомку, бережно вынимая оттуда сверток.

Не дожидаясь, Симоний нетерпеливо сделал несколько шагов вперед и сам взял сверток из рук монаха, отбросив посох в сторону развернул и поднял над головой серебряный клинок. Вздых удивления прокатился среди собравшихся монахов. Клинок засветился странным светом в полумраке помещения.

– Вот она, языческая душа! – громко произнес Симоний.

Осень, 2018 год, где то под Владимиром. Максим Вахитов.

Утро добрым не бывает, но только не утро за городом. Как хорошо сладко потянутся и встать рано-рано, сбегать в деревянный туалет на улице, умыться водой из крана, причем холодной водой, колодезной. А на природе дышится легко, градусов пять тепла, а то и меньше. Из рта пар идет, как из трубы прогреваемого Мишей «Лексуса». Он сегодня уезжает, а нам еще два дня с молотобойцами, как я их назвал, тут куковать. Но, как говорится, цель оправдывает средства. Правда, по-моему, так звучал девиз ордена Иезуитов, но не суть важна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.